

Любавва

ЖАЙ ВЭРДИ

Annotation

Молодого священника отправляют в забытую Богом и людьми деревеньку на восстановление храма с четырехсотлетней историей. Прибыв на место, отец Илия сталкивается с укоренившимся суеверием и твердой верой в призраков. Оставшиеся жители как один твердят о призраке, берегущем свой дом. Священник селится именно в этом доме. И чем ближе рабочие подбираются к храмовому хранилищу, тем больше странностей начинает происходить в доме. Обнаруженное тело ребенка словно спускает тетиву, и умершая сто лет назад девочка приходит в дом священника.

**Кай Вэрд
Любава**

Выражаю огромную благодарность Софии Фоменко за предоставленные материалы для написания книги.

Сидя в приемной епископа Павла, иерей Илия гадал, зачем его вызвали. Подозревал, конечно, что получит очередной выговор за слишком свободные взгляды, как и в предыдущие вызовы на ковер к начальству. Но также в душе молодого священника теплилась и надежда, что его все-таки переведут из небольшой сельской церквушки, в которой он служил сейчас, в храм побольше. Все-таки он приложил немало сил для ее восстановления и ремонта, и полуразрушенный сельский храм, вверенный в его ведение, сейчас радовал глаз яркими луковками куполов. Даже колоколенку возвести удалось, и каждое утро по округе разливался мелодичный звон, созывающий прихожан на заутреню.

Илия был в растерянности и, что греха таить, нервничал. Не мог он понять причин, по которым его вызвали к владыке. Службы он отправлял исправно, с документацией, благодаря его помощнику, диакону Сергию, проблем также не было... И даже вездесущим бабкам, лучше всех знающим, как быть должно, удалось объяснить, что настоятель храма он, и он не хуже их знает каноны. Стыдить и увещевать пришлось не единожды, но своего Илия добился. И хотя сверкали они глазами сердито, глядя на девушек в джинсах, увешанных пирсингом, неумело тыкающих купленные в церковной лавке свечи куда угодно, только не туда, куда надо, но сказать им хоть слово не смели – батюшка сильно осерчает, и проповедь часа на два с последующей за ней епитимьей за гордыню им обеспечена. А уж как Илия умел давить на совесть...

– Епископ Павел готов вас принять, – вывел из задумчивости священника секретарь. – Проходите.

Со смятением в душе, вздохнув, Илия зашел в кабинет. Поприветствовав владыку как положено, и испросив благословения, священник уселся на предложенный стул и приготовился слушать.

– Был я недавно в храме, вверенном в твое ведение. Хорошо храм отреставрировали, молодцы. Красивый, уютный – душа радуется, – начал архиерей. – Немало ты потрудишься, и сам многое сделал своими руками. Фрески восстановлены изумительно. Впрочем, известно мне, что по образованию ты архитектор, и строительством не однажды занимался. Так ли это?

– Верно, владыко, все так. Благодарю за похвалу моим скромным талантам, – учтиво склонив голову, ответил Илия, тщательно пытаясь скрыть тревогу, против воли поднимавшуюся в душе – уж больно вступление было... мягким. – Вот часовенку достроили наконец, неделю назад и колокола небольшие места свои заняли, по утрам души людские звону колокольному радуются, – Илия говорил, а сам мысленно просчитывал варианты, зачем он понадобился владыке.

«Мягко стелет, очень мягко... Только вот что за этим кроется? Выговор? Нет, не похоже. И архитектурную академию вспомнил, и работу на строительстве... К худу то? Или к добру?» – молодой священник терялся в догадках, при этом зная, что начальство его, мягко говоря, недолгоблывает за свободу взглядов. К примеру, Илия искренне считал, что важно, что человек зашел в храм, а вот что на нем при этом одето – это ерунда. И, встретив в храме не осуждение, а понимание, человек вновь вернется туда, где ему уютно и спокойно, где отдыхает душа. А там постепенно и к вере, и к канонам придет. А что поделывать, если мирская мода так сильно ушла вперед от принятого в церквях? В храм не заходить? Да вот

еще! Нет уж. Хоть с перьями на голове и в римской тоге пусть приходят – он слова не скажет. Сами в другой раз, на остальных прихожан гляючи и специально в храм идя, оденутся соответственно...

– Хорошо это, молодец, справился с заданием, – кивнул головой Павел. – Да только не хвалить я тебя позвал, – Илия при этих словах смиренно опустил голову в ожидании продолжения.

«Вот оно! Сейчас или наказание, или...» – сердце Илии забилось чаще, спине стало горячо, к щекам прилила кровь. «Накажут... Не единожды владыко предупреждал, и не единожды пенял, что нельзя, нельзя смотреть на мир так, как Илия. Есть устои, есть порядок, и его соблюдать должно, и людям следует в голову вкладывать то же».

– На прошедшем епархиальном совете было принято решение о восстановлении, а фактически, строительстве руинированного храма. Но сложность в том, что храм тот уникальный. Пожалуй, единственный на берегах Лены, выстроенный из полнотелого кирпича, оригинальной формы и довольно древний. Архиепископ Константин распорядился подобрать ответственного, грамотного иерея, твердого в вере и не понаслышке знакомого со строительством, к тому же молодого и активного, способного добиваться поставленных целей, – епископ задумчиво покрутил ручку в руках, положил ее на стол, и взял довольно объемную папку. – Ты великолепно зарекомендовал себя при восстановлении храма в Лунтьево, и было решено доверить это крайне сложное и ответственное дело тебе. Имея знания и опыт архитектора, опыт восстановления храма, ты, как никто другой, сможешь максимально близко к оригиналу восстановить эту истинную жемчужину веры православной. Согласен ли ты отправиться к новому месту служения? – Павел непроницаемым взглядом в упор уставился на сидевшего перед ним священника в ожидании ответа.

Илия задумчиво разглядывал узоры на столешнице, испытывая одновременно и облегчение, и настороженность. Лена... Если ему не изменяет память, это Север. Бескрайняя тайга. И сумасшедшие расстояния между поселениями... Все-таки ссылка. И в то же время он прекрасно понимал, что от подобных предложений не отказываются. Нет, он мог бы отказаться, но...

– Владыко, несомненно, я подчинюсь решению архиепископа. Но... я должен передать дела храма в Лунтьево новому священнику. Вы понимаете, что это все время. Конечно, я приложу максимум усилий, чтобы... – его задумчивую, медленную речь архиерей прервал движением руки.

– Я не сомневался в тебе, Илия, – улыбнувшись, проговорил он, и, сверившись с документами в папке, лежавшей перед ним, кивнул. – Потому уже подобран священник, который займет твоё место настоятеля в Лунтьево. Не волнуйся, это хороший, грамотный служитель веры, прекрасно зарекомендовавший себя. Твой храм будет в надежных руках. Думаю, недели тебе достаточно, чтобы передать дела новому настоятелю? – Павел снова требовательно впился темными глазами в Илию. Тот молча кивнул. – Вот и отлично. За это время ты и собратья успеешь. А затем архиепископ Константин ждет тебя для напутственной беседы и благословения, – улыбнулся Павел.

Священник кивнул, поднимаясь.

– Благодарю вас, владыко. Через неделю я буду готов отправиться к архиепископу, а затем и на новое место службы. Сейчас я могу идти?

Епископ кивнул. Испросив благословения, Илия вышел из кабинета. Ему было над чем

Спустя неделю он сидел перед архиепископом Константином. Приняв очередную похвалу за восстановленный храм, от следующих его слов Илия напрягся в ожидании выговора.

– Был я с месяц назад в Лунтьево. Внимательно фрески рассматривал, лепнину, за тобой наблюдал, за прихожанами... – наблюдая за реакцией Илии, и, несомненно, заметив и слегка побледневшее лицо, и выступившую на лбу испарину, медленно проговорил архиепископ. – Лепнину, говорят, сам восстанавливал?

– Верно, – проговорил Илия, стараясь не выдавать голосом волнение. – Помогали и волонтеры, и прихожане, конечно. Но лепнину доверить никому не мог – уж больно узор на ней красив и оригинален. Ошибутся чуть, сдвинут рисунок – и видно то будет. Потому лучше сам... – Илия говорил и говорил о лепнине, о фресках, о росписи храма, о художнике, которого Господь послал – истинный мастер своего дела, и если бы не он... О волонтерах, умных, талантливейших молодых ребятах, проникшихся верой в процессе работ, о девчонках, которые до глубокой ночи выкладывали фрески из крохотных кусочков цветной керамики, по десять раз пересчитывая их, и придирчиво разглядывая получающуюся картину со стороны – не дай Бог хоть на миллиметр отойти от оригинала...

Архиепископ слушал и с улыбкой кивал. Наконец, остановив священника движением руки, задал ему вопрос:

– Это хорошо... А видел ли храм, который восстанавливать из руин станешь? – поинтересовался епископ.

– Нет, отче, не видел. Да и откуда бы? Даже место назначения мне пока неизвестно, – разведя руками, ответил Илия.

– А назначение тебе в деревню Ивантеевка, что в Алуханском районе. Места там, скажу я тебе, красивые. Тайга, недалеко совсем Лена протекает. А вот как храм выглядел, покуда в двадцать первом году прошлого века его не взорвали, – архиепископ подвинул к священнику маленькую, явно старую, обтрепанную и замятую, местами грязную картину неизвестного художника. – Ты смотри, смотри. Вот эту красоту тебе заново отстроить придется.

А посмотреть действительно было на что. Среди зеленых холмов, молодой яркой травкой покрытых, на фоне возвышающихся вековых деревьев стояло белоснежное златоглавое чудо. Храм был величественный, красивый, выстроенный в форме корабля. И этот корабль, сплошь украшенный воздушной лепниной, словно кружевами, с расписными фальш-окнами и мачтой-колокольней, сверкая позолоченными куполами, словно плыл по зеленому морю, уверенно вplывая прямо в сердце священника.

Много красивейших храмов видел Илья: и больших, и важных, и монументальных... Но такого, словно сотканного из самого света, ему видеть не приходилось. Несмотря на размеры, храм выглядел легким, воздушным, словно сплетенным из шелковых нитей искусной мастерицей.

– Изначально храм был построен в 1611 году сосланным в ссылку Кузьмой Протасовым. После пожара в 1737 году был отстроен заново, но уже не из дерева, а из кирпича и камня. Думаю, про гонения на религию после революции ты знаешь, – Илия кивнул. – В ходе

восстания крестьян в Сибири в 1920–1921 годах, которое было жестоко подавлено, и после него все до единого храмы были разорены, большая часть, которую можно было использовать как помещения под другие цели, перестроена и стала служить библиотеками, горисполкомами, сельсоветами и складами, часть же была стерта с лица земли. В частности, был взорван и храм в Ивантеевке, хотя там восстания не было – и восставать после не так давно прошедшего мора было особо некому, да и люди были сыты и довольны, потому как дела у потомков Протасова шли хорошо, и крестьян они не прижимали. В результате те были довольно зажиточны, и произошедшую революцию считали делом временным, их особо не касающимся, потому как и далеко очень, да и ссылать их... а куда? Они и так уже на севере, и ссылают к ним – и то хорошо: и кровь свежая вольется, и новые знания люди несут с собой, и новые умения, да и село, практически вымершее во время мора, вновь возрождается. Да и не трогали их до сих пор – то ли забыли про них, то ли вообще не знали, то ли в тайгу лезть не хотелось... Известно ведь, что тайга – закон, прокурор – медведь, и приятного аппетита, косолапик. И только после восстания крестьян беда пришла и в их края. Известно, что после взрыва крестьяне пытались построить часовенку, но та вскорости полностью сгорела. Сегодня Ивантеевка – глухая деревушка, автобус туда редко, но ходит, другого транспортного сообщения нет. Сама деревушка медленно вымирает. Но до ближайшего действующего храма оттуда десятки километров. Алуханская епархия считает, что с возрождением этого уникального храма удастся не только вернуть кусочек истории, но и возродить Алуханский район, прежде всего за счет паломников, а Ивантеевку и близлежащие населенные пункты – за счет прибывших на строительство волонтеров и рабочих. Потому помощь тебе будет оказываться всяческая и быстро. Епархия также выделила хорошую сумму на восстановление храма, администрация города будет помогать, ну и с началом строительства подтянутся волонтеры и паломники. Так что забот хватит. Впрочем, вот документы – тут все, что удалось найти, – архиепископ протянул ему очень пухлую папку. – А здесь необходимые документы на твое имя о назначении тебя настоятелем Ивантеевского храма и деньги на первое время, – Константин подал ему папочку значительно потоньше. – Вижу, спросить что-то хочешь?

– Простите, но... откуда это? – поднял растерянный взгляд от старинных чертежей в ксерокопиях Илия. – Это же сокровище...

– Ааа... – усмехнулся Константин. – Потомки Протасова сразу после революции уехали за границу. Их дом также подвергли разграблению и перестройке, и долгое время в нем обитали различные организации. После перестройки дом был заброшен. Несколько лет назад его праправнуки выкупили усадьбу, и, проводя реставрационные работы, наткнулись на тайник, в котором находились чертежи с подробным описанием этапов строительства, а также вот этот рисунок и многие другие документы. Поняв, что именно нашли, они обратились к митрополиту и передали эти документы Церкви.

– Благодарю за доверие... – потрясенно ответил Илия. Сейчас он не знал, наказание то или награда – с одной стороны, ссылка в глухую тайгу, на руины, а с другой – храм огромнейший, и он в нем станет настоятелем, и ясно, что и церковь, и администрация ближайшего города и районного центра сделают все возможное, чтобы этот храм гремел на всю Россию... Это же какие перспективы открываются! – Я приложу все силы, чтобы вернуть это чудо людям. Это истинно благое дело. Когда я должен отправляться на место?

– Билеты у тебя на сегодняшний вечер. Надеюсь, тебя предупредили о предстоящей поездке? Но если необходимо время, дату можно и передвинуть на более поздний срок, хотя

и нежелательно.

– Да, Владыко. Требный чемодан со мной, облачение так же, а мирской одежды много и не нужно.

Получив благословение и наказы, Илия, переодевшись в мирское и забрав свои вещи, в глубокой задумчивости отправился на вокзал.

* * *

Боярин Кузьма Протасов смолоду был хватким и толковым. Хорошо мальчишке давался счет да письменность, а живой ум заставлял интересоваться делами отца. Постепенно наблюдательный и любознательный Кузьма и подсказки отцу стал подкидывать, что прибыль приносить начали. Старший боярин нарадоваться на сына не мог.

Все бы хорошо, живи да радуйся, да только вот Бог единственным сыном Ивана одарил. Жена-то в тягости регулярно была – Иван от супружеских обязанностей не отлынивал, да вот выносить дитя не получалось. Раньше срока детки рождались, либо сразу мертвые, либо помирали вскорости после рождения. Как только ни берег, как ни баловал жену Иван – один сын так и рос. Хоть и радовал Кузьма батюшку своим разумением да успехами, но все ведь под Богом ходим... Страшно. Потому и старался Иван изо всех сил – авось Господь смилостивится, да еще хоть одного сына ему подарит?

Не дожив до шестнадцатой весны сына, померла у Ивана Протасова жена. А спустя пять лет и сам Иван за женой убрался. Остался молодой боярин один. И принялся приумножать отцом накопленное. Как пришло время, женился.

Все бы ничего, да только вот не нравилось Кузьме, что царь все больше и больше денег требовать начинает – война со Швецией закончилась, так Борису университет захотелось. Напустил в страну всяких иноземцев, купчин нерусских, лекарей каких-то, что по-русски и понимали-то с трудом, а уж сказать что – совсем беда. А уж что воинские люди, кои землю Русскую защищать обязаны – и те иноземцы, то Кузьме и вовсе не понятно было.

Ну а как короновался Борис, так и вовсе стал разных немчин на Русь святую тащить, должности им разные давать да земли с крестьянами жаловать. Не нравилось то Кузьме, да и многим боярам не нравилось. А кому понравится, что Русь святую, матушку, всякие иноземцы поганые в своих целях используют, тянут, кто что может, да в неметчины свои отправляют, а царь будто слепой – своих бояр, родных, русских от себя гонит, а чужих псов поганых на груди греет.

Так и попал Кузьма Протасов у царя в опалу лютую, и потому сослан был в Сибирь подальше от глаз царских. Земли его царь, осерчав, в казну забрал, а ему выделил в Сибири несколько деревень да добрый кусок тайги. По землям-то Кузьма даже и в выигрыше остался, да только вместо пятнадцати деревень и добрых шести сотен крестьян ему пять всего лишь дали, да крестьян и сотни не наберется.

Унывать Кузьма не привык, потому засучил рукава и принялся за работу. Средств у него было предостаточно, вот и устроился он недурно. Перевез жену с детьми, отстроил себе хороший дом, и принялся в Алуханске скупать у добытчиков меха. Поставил несколько лесопилок, да стал караванами возить мех да доски. Торговля ему не претила, в купеческие дела он влезать не стеснялся, а потому доход имел не маленький. А вскоре выкупил он еще и Ивантеевку и Бережки, что с другого бока от его земель находились, да обратными рейсами

начал рабочих туда привозить. А с ними и семьи их ехали. На месте начали и меха выделывать, и шить из них кое-что – выгоднее так-то получалось, да и людям тоже зарабатывать надо.

А тут и голод разразился, цены на продовольствие в сто раз подскочили, и Кузьма порадовался, что вовремя его царь в Сибирь отправил, ой вовремя. Он-то с крестьян три шкуры не драл, и у него люди не голодали. А тут еще и река, и тайга под боком, а в ней и ягоды, и зверье разное, и грибы, и орехи... Дети собирательством занимались активно, старики солили грибы по старинным рецептам, мужики зверя били и рыбу ловили, а он у крестьян выкупал добытое, да и отправлял караванами по Руси великой. Спрос на то большой был, и золото в карманы Кузьмы рекой текло.

Одно томило душу боярина – храм больно далеко был. Ему бы Господа возблагодарить за удачу свою – ан нет... Хоть и выстроил он часовенку небольшую, да икон ему привезли караванами, да и батюшку к себе толкового выписал – а все не то. Душа в церковь просилась. А до ближайшей церквушки, почитай, более пятидесяти верст было. Да и то сказать – церквушка... Название одно. Маленький, неказистый деревянный домишко с плоским потолком. Дымно, душно... Летом-то он еще ездил туда пару раз, а зимой куда? Да и люди, видя барина, каждый раз его просили храм хоть небольшой поставить да батюшку сюда выписать. И жена ныла, словно зуб больной – мол, увез от людей, и в гости сходить не к кому, и даже в храм пойти не может, душу облегчить, свечку любимому мужу за здравие поставить...

Почесал Кузьма в затылке, подумал, да дал своим помощникам задание – найти ему самого что ни на есть наилучшего строителя да сюда привезти. А сам со священником своим домашним переговорил, да велел тому митрополиту прошение подать – разрешить поставить в соседнем селе, Ивантеевке, в коей на данный момент уж более ста душ насчитывалось, церквушку скромную, да батюшку толкового туда прислать – дабы было кому младенцев крестить да умерших отпевать, да людей наставлять на путь истинный – не дело это, когда столько людей без слова Божьего живут.

Ивантеевка тогда уж разрослась, самой большой среди Протасовских деревень стала. Село настоящее выросло. А прикупил ее Кузьма совсем махонькой – шесть дворов да двадцать шесть душ с младенцами и стариками. А сейчас-то! Более тридцати дворов насчитывала. Да молодое село было – стариков мало там жило, больше было тех, что на работы приехали, да и жить здесь остались. Деток, правда, немного пока было, да в основном малые еще, но да ничего, молодость не порок, со временем проходит. Деток бабы нарожают, вон молодых сколько. И те подрастут, и сами новых народят со временем. А то, что основными жителями крепкие взрослые люди были – так то совсем хорошо, очень даже приятно для Кузьмы было. А как иначе? Почитай, половина всех душ – рабочие руки, а это очень хорошо, это очень даже приятно. И оглаживал Кузьма бороду довольно, глядя на отчеты управляющего да на стабильно и быстро растущие деревни.

Но любимой все одно Ивантеевка оставалась. И кто знает, чего его так тянуло туда? То ли красивое село было – раскинулось оно на пригорке вольготно, уж и на второй переползало потихоньку, по весне утопая в цвету низкорослых северных яблонь, то ли радовали душу новые золотистые срубы крепких, теплых домов, выстроенных в ряд и радовавших глаз красивыми резными ставнями, то ли тянуло туда из-за одной красивой молодой вдовушки, что пела, словно соловей по весне, да очами темными, колдовскими, опущенными густыми черными ресницами, с ума сводила... Кто знает? Только вот любил Кузьма Ивантеевку. Всей

душой любил.

Все было хорошо у боярина, вот только сыновей у него не было. Дочери – те были, аж восемь девок Господь послал Кузьме, а вот сынов не было. И сильно то печалило Кузьму – род-то прервется, похоже. Потому и молился он в часовенке усердно, потому и за полсотни верст в церковь ездил – молебен заказать за здоровье супруги, да с просьбой к Господу о даровании ему наследника. Вот и сейчас жена уж на сносях ходила, да только кого Господь пошлет на сей раз? И дал Кузьма обет в храме – коль сын у него к лету родится, отстроит он огромный, самый красивый храм, какой только возможно, чтобы маковки его на полсотни верст окрест видно было, а колокольный звон над тайгой разливался. И так отстроит, чтоб века стоял тот храм во славу Божию, покуда род его жив будет.

* * *

В мае по реке пришел первый караван, с которым привезли и строителя. Кузьма пока дал ему задание по постройке у себя на подворье – мастерство посмотреть, да помощников толковых подобрать. А со следующим караваном еще двое прибыли. Боярин призадумался – что с ними тремя-то делать? А опосля, поговорив с батюшкой, да с темноглазой Марусей печалью поделившись – не жену же загружать такими проблемами? – оставил всех троих, да всех трех на одном задании. Ох, и грызня началась промеж ними! Один так изладить желает, второй этак, а третий по иному совсем. И ведь каждый свою правоту доказывает с пеной у рта! Шуму, гаму, ору – батюшки! Кузьма за голову схватился. И дела не делают, орут только, и понять он не может, кто из них хорош, а кто нет. Кому строительство храма доверить? Хотел уж было всех троих взащей гнать, да хорошо, к Марусе прежде опять наведалься – о строителях рассказать, конечно, а то зачем же еще? – а та его и остановила.

– погоди, – говорит, – маленько. Поорут, притрутся, пообвыкнутся, работать вместе научатся, еще и лучше будет, – и вдруг засмеялась колокольчиком. – А ты предложи им в драке истину поискать, мол, кто сильнее – тот и прав. Пускай дурь друг из друга повыбивают пару раз, глядишь, и договариваться научатся! – сверкая озорными глазами и выводя узоры пальчиком по его груди, насмешливо проговорила вдовушка.

– В драке? Истина? – удивился Кузьма, ловя шаловливую ручку насмешницы. – Сомневаюсь... А вот дурь выбить – эт дело хорошее, дело нужное. Да и подсобить можно – плетями, к примеру, – тоже посмеиваясь, ласково провел Кузьма по смуглой щеке Маруси. – Смейся, смейся, насмешница! Вот я тебе сейчас, чтоб не насмешничала! – добродушно ворча, шлепнул боярин дразнящую его вдовушку по тому месту, на котором сидят.

Спустя неделю на дворе Протасова закипело строительство. Мастера, сверкая свежими фингалами – до драки у них таки дошло, ну, Кузьма разнимать их не позволил – пускай пыль из мозгов повыбьют – наконец пришли к общему соглашению, и новый терем строился на загляденье – красивый, прочный, продуманный до последней завитушки – мастера друг друга сгрызть готовы были за малейшие недоделки, а уж на оплошавших помощников так и вовсе втроем набрасывались. Дружны стали, хоть и часа у них не проходило, чтоб не сцепились вновь друг с другом. Поглядев, как они работают, боярин, поразмыслив, решил так их вместе и оставить – шумно, правда, зато результат на загляденье выходит.

А вскоре девушка-прислужница от жены прибежала – у той схватки начались. Кузьме и вовсе не до строителей сделалось – в часовенку бросился, на колени перед иконой Господа

нашего Иисуса Христа рухнул да земные поклоны класть принялся, от всей души умоляя Его подарить ему сына.

Жена Кузьмы Ивановича в родах в тот раз почти сутки промучилась, и все то время боярин, лелея в сердце надежду, клал земные поклоны. И лишь когда раздалось робкое «Барин...» за спиной, обернулся к сенной девушке, его позвавшей, и тогда только осознал, что на дворе уж солнце всю светит.

– Барин, вас барыня Екатерина к себе кличет, – теребя концы завязанного под подбородком платка, проговорила девушка. – Порадовать вас желают.

– Родила? – с надеждой во взгляде, все еще стоя на коленях, поинтересовался Кузьма.

– Ага... Родила... – кивнула девчонка.

– Кого? – с замиранием сердца произнес боярин.

– Не велела барыня говорить. Ступайте сами, – дерзко ответила девчонка и, развернувшись, побежала обратно.

Перекрестившись в последний раз и шепча молитву, Кузьма кряхтя поднялся с колен и на плохо слушающихся, затекших от долгого стояния на коленях ногах засеменил к терему.

Вошедшего встретила повитуха с младенцем на руках.

– Кто? – едва переступив порог, спросил боярин.

Повитуха молча сунула сверток ему в руки и скрылась за дверью в комнатах супруги. Кузьма посмотрел на красное личико в обрамлении пеленок из белого полотна, вздохнул и качнул дите на руках. Оглядевшись, он положил сверток на лавку и принялся неумело и торопливо распеленывать ребенка. Недовольный подобным обращением младенец сморщился, закричал и вдруг заплакал. Растерявшийся Кузьма на секунду оторопел, но, оглянувшись на дверь, за которой скрылась повитуха, вновь склонился над ребенком, путаясь в пеленках. Распеленав дите, он уставился на плачущего младенца, недовольно дергавшего ручками и ножками. По щекам боярина, теряясь во всклоченной бороде, текли слезы. Аккуратно подняв голенького младенца и держа его перед собой, неверяще глядя на него сияющими глазами, Кузьма прошептал:

– Сын... – и, вставая и поднимая его на вытянутых руках перед собой, закричал во весь голос: – Сыбын!!!

* * *

Спустя пять лет на холме чуть в стороне от Ивантеевки вырос красивый, величественный храм с золотыми куполами, гордо возвышавшимися над тайгой. Колокольню выстроили высокую, обрамленную резными деревянными перилами, со звонницы которой открывался потрясающий вид на много верст окрест. Выстроен он был на надежнейшем фундаменте из необработанного речного камня, из лучшего дерева, и должен был прослужить не один век.

Первой иконой, внесенной в храм, стала та, перед которой Кузьма молился неустанно о даровании ему сына, наследника. Вскоре пошли сперва тихие шепотки, а после и вовсе заговорили в полный голос – ежели кто искренне и сильно желал рождения сына, должен он был к той иконе пойти и молиться усердно. И потек ручеек людской к иконе благодатной.

А спустя более века вспыхнула церковь ночью. Люди кинулись спасать что могли. И ту икону благодатную из огня вытащить сумели. Чуть обгорелую, закопченую, но вырвали из

лап жадного пламени.

Потомки Кузьмы, что вовсе широко развернулись на берегах Лены, памятуя наказ прапрадеда и данный предком обет, в результате которого они все на свет появились, отстроили новую церковь, краше прежней, уже каменную.

И стоял храм, души людские радуя, почти два века, покуда не взорвали его после революции. С тех пор уж век почти прошел. И снова потомки Кузьмы Протасова, памятуя об обете, жизнь им давшем, прикладывают все силы для восстановления храма, лежащего в руинах.

Он вышел с поезда и огляделся. Малюсенькая станция находилась в жутком запустении. Разбитые донельзя старые бетонные плиты, на которых арматура была лишь местами слегка прикрыта бетоном, пара остовов бывших лавочек да полуразрушенное здание железнодорожного вокзала, крыша которого, покрытая древним, поросшим лишайниками и весело зеленеющим мхом шифером того и гляди рухнет вовнутрь – вот и весь вокзал. Сорные травы, окружающие это великолепие, кажется, никогда не встречались не то что с косой, но даже с простой палкой. Росли себе свободно там, где им нравилось, приминаемые ногами редких прохожих, которым, похоже, было абсолютно все равно, что и когда рухнет. Дойдя до вокзала, он посмотрел на старый ржавый замок на разошедшихся, потрескавшихся дверях, вздохнул и пошел вокруг вокзала на площадь. Как ему объяснили, с площади до деревеньки, где ему предстояло служить, ходил автобус. Оттуда же можно было добраться и до администрации района.

Так называемая площадь вольготно раскинулась за старыми, в два обхвата, скрипящими от каждого ветра вязами, растущими за вокзалом. Была она в чуть меньшем запустении, и даже на разбитом асфальте кое-где мелькали заботливо засыпанные гравием и залитые битумом очевидно особо опасные дыры. Площадь была окружена деревянными домишками, двухэтажными, неказистыми, покосившимися, вросшими в землю по самые окна и покрашенными давно облезшей, но местами еще державшейся на стенах крупными чешуйками краской, отчего дома казались больными старичками, присевшими на завалинки погреть в первых горячих весенних лучах старые косточки.

Поинтересовавшись у прохожих, с любопытством оборачивавшихся на священника с дорожной сумкой и чемоданчиком, как добраться до администрации, он отправился по указанному адресу.

Центр Алуханска выглядел значительно лучше станции – пятиэтажные панельные дома соседствовали со старинными двухэтажными каменными с арочными большими окнами. Летом здесь наверняка было очень красиво – очарование старинных зданий подчеркивалось вековыми деревьями, раскинувшими свои широкие, разросшиеся кроны над центральной площадью. Асфальт здесь, в отличие от станции, был относительно новым, лишь в нескольких местах сверкая более темными заплатками. Возле небольшого скверика, выложенного вытертой бесчисленными ногами тротуарной плиткой, под сенью вековых деревьев стоял памятник Ленину. Широкая дорожка с белыми бордюрами вела к старинному двухэтажному зданию, сверкавшему белизной. Рассудив, что это и есть местная администрация, Илия направился к нему.

В администрации его встретили тепло. Мэр города, Сергей Николаевич, долго тряс его руку, рассыпаясь в заверениях, как он счастлив, что церковь наконец-то обратила свое внимание на истинную жемчужину северных земель и решила на восстановление такого уникального храма. Илия кивал и улыбался. Было видно, что мэр от религии дальше, чем Земля от Кассиопеи, но, как истинный политик, пел рулады так, что соловьи завистливо вздыхали в сторонке.

Наобещав священнику ~~е-три-кореба~~ всевозможную поддержку и внимание в святом деле восстановления христианской реликвии, Сергей Николаевич наконец перешел к делу.

– Мы очень вас ждали! Скажите, а машина у вас есть? А где вы жить собираетесь? Вы

часто приезжать сюда будете? – рассыпался в животрепещущих вопросах мэр.

Услышав, что жить и служить Илия собирается на месте, а именно в Ивантеевке, а также тщательно надзирать за разбором завалов и восстановлением храма, равно как и за закупкой и качеством необходимых строительных материалов, мужчина заметно погрузтел.

– Да, меня предупреждали, что необходимо предоставить вам жилье в Ивантеевке и средство передвижения. Но я думал, что вы не захотите жить настолько далеко от цивилизации... – мэр уставился на гостя. – Вы же это не всерьез! Туда даже автобус не ходит. Вы просто не представляете, какая это глушь! – Сергей Николаевич задумчиво потер лоб рукой. – Да... Там сейчас то ли восемь, то ли десять бабок живут, и все. Автобус только до Бережков ходит... Да и к чему вам сидеть на тех руинах? Мы вам тут квартирку предоставим, станете жить с удобствами, а в Ивантеевку можете хоть и вовсе не ездить – все сделаем в лучшем виде! Вот разберут там те завалы, тогда съездите, поглядите...

– Я прислан наблюдать не только за строительством нового храма, но также и за разбором руин. В епархии сказали, что вы предоставите помещение для жилья, и, по возможности, транспорт для передвижения. Конечно, если это возможно, – склонил голову Илия.

– Из целых домов в Ивантеевке остался только один пригодный для жилья. Но в нем нет ни электричества, ни газа. Ну зачем вам такие проблемы, – развел руками мэр. – Может, все-таки здесь, в Алуханске?

– Ничего страшного, люди и без электричества с Божьей помощью жили, – улыбнулся Илия. – Справлюсь. Мне не много надо. Была бы крыша над головой, а остальное в руках Господа...

– Крыша есть. И стены крепкие тоже. Точно не хотите остаться? – предпринял мэр последнюю попытку. – Насколько знаю, сотовой связи и интернета там тоже нет.

– Так в каком доме мне можно остановиться, говорите? – прищурился Илия, глядя на мэра.

Тот нехотя нажал на кнопку селекторной связи и распорядился выдать священнику ключи от тридцать восьмого дома в Ивантеевке и Ниву, и объяснить тому дорогу до места.

Выйдя из здания администрации и садясь в припаркованную неподалеку Ниву, Илия поднял голову и увидел, что из окна второго этажа за ним задумчиво наблюдает мэр. Илия улыбнулся и, закрыв дверь, повернул ключ зажигания.

* * *

Если мужчина посчитал, что в Алуханске плохие дороги, то за его пределами они постепенно и вовсе исчезали. Если до Бережков еще была хоть какая-то дорога, когда-то покрытая асфальтом, то за ними пропадала и она. Оставшиеся до Ивантеевки тридцать километров Илия добирался по едва наезженной колее. И было у него сильное подозрение, что колея та не от автомобильных колес, а скорее протоптанная людьми и едва наезженная чем-то вроде телеги – слишком узкие следы от колес остались местами в высохшей грязи. Но Нива вела себя хорошо, даже такую, с позволения сказать, дорогу держала уверенно, и Илия даже позволял себе полюбоваться окружающими его пейзажами.

Наконец, на очередном пригорке показались приземистые строения. Следуя по гораздо более выраженной грунтовой дороге, священник въехал в деревню. Первым его впечатлением

было, что деревенька вымерла еще много лет назад. На въезде его встретили полуразрушенные, прогнившие дома с обрушившимися крышами. Степень разрушения была разной, но глядя даже на боле-менее уцелевшие домишки, было понятно, что там никто не живет.

Деревенька сплошь зарастала сорными травами и уже вполне взрослыми деревьями, росшими зачастую прямо из домов. Вскоре дорога свернула, образовав перекресток. Выбрав наименее заросший путь, Илия двинулся по нему. Тут было вроде попросторней – кустарники и деревья не мешали обзору, и вскоре он увидел несколько явно обитаемых домов. Из пары труб даже шел дым. Проехав до конца улицы, священник увидел сидящих на лавочке стариков. Невдалеке свободно бродила облезшая и, на первый взгляд, еле дышащая лошаденка, похоже, ровесница старичков, с нескрываемым любопытством наблюдавших за машиной.

Остановившись, священник вышел и вежливо поздоровался. Старушка, подслеповато щуря слезящиеся глаза, оглядела его с ног до головы придирчивым взглядом, пошамкала беззубым ртом и, вздохнув, сочувственно проговорила:

– Заблудился, милоч? Здесь церковей-то уж, почитай, лет сто, как не стало. Вот как поломали опосля революции ироды церкву-то, так, почитай, и всё. Тебе дальше ехать надоть, там в области храмы-то вроде есть, а здесь ни... Ниче нету, – покачала она головой, подтягивая концы платка, завязанного под подбородком. – Обрато езжай. Тута дальше-то дороги нет. А с Бережков можно в объезд и до области добраться.

– Не знаю, заблудился я или нет. В Ивантеевку мне надо, – улыбнулся Илия.

– Так тута Ивантеевка-то... Ты в гости, чтоль, к кому приехал? – вдруг озарило старушку. – Так ежели в гости, тады да... Отдохнешь, воздухом подышишь, а то вона, бледный-то какой, аж посинел весь. А здесь воздух, да молочко парное, да лес. Глядишь, и оздоровеешь, поправишься. Надолго ль в гости-то?

– Маньк, по делу спрашивай. Чего пристала к человеку? – выплюнув изжеванную травинку и пихнув острым локтем сидящую рядом бабу, проворчал худой как жердь дедок с торчавшими в разные стороны из-под выдавшей виды кепки седыми волосами. – Тебя как звать-то? – перевел он взгляд на священника.

– Илия мое имя в православии, – произнес священник. – А как мне к вам обращаться?

– Она вон Манька, так бабой Манькой и зови, а меня тута все Петровичем кличут, – пожал плечами старик. – Так я привык ужо... И ты так кликай.

– А ты к кому приехал-то? – перебила Петровича баба Маня. – К Верке, чтоль? Вроде только у ей племянники-то по церквам ходют...

– Не в гости я сюда приехал, баб Мань, и не на отдых. Будем храм здесь восстанавливать с Божьей помощью, слово Божие людям нести. Многие, наверно, и некрещенными живут, и умирают без отпущения грехов, хоронят людей не по-Божески, без отпевания. Нельзя так, – ответил Илия. – Детей-то здесь кто крестит? О Боге им кто рассказывает?

– Окстись, каких детей-то? – махнул на него рукой Петрович. – Откудова тут детям-то взяться? Тута вон Верка самая молодая, дак ей уж за шестьдесят давно. Всего и осталось семь дворов живых, да еще не известно, что через год станет. Вона, этой зимой троих схоронили...

– А какой храм ты восстанавливать-то собрался? – подалась вперед баба Маня. – Уж не тот ли, что ироды взорвали? Который воон там, возле Настасьинога дома стоял? Его, чтоль?

– Думаю, да. Если в Ивантеевке нет другого храма, то его, – кивнул головой Илия. –

Петрович, а сколько душ-то живых в Ивантеевке сейчас осталось?

– Да ты посчитай, – доставая клочок газеты и не спеша, но сноровисто скручивая сигарку, проговорил Петрович. – Вот мы с Манькой, Верка с Иваном, Степановна, Володька, Иван Петрович с Татьяной, Нюрка с Генкой да Тонька с собакой Руськой. Маньк, все вроде?

– Все, – кивнула головой старушка, и, пошамкав губами, добавила, – Тонька-то зимой Витьку схоронила, а Колька еще по осени помер, а за ним и Тоська его убралася, к весне уж... Неуж не помнишь? – сдвинув брови, толкнула она рукой Петровича. – Совсем старый стал, память уж отказывает... – словно извиняясь, заворчала она.

– Чего-й то это я не помню? У тебя про живых спрашивали, а ты мертвых поминаешь, – закуривая и не выпуская сигарки из уголка рта, забормотал дед. – Старый я стал... Сама молодая больно!

– Да уж помоложе тебя буду, – уперла руку в бок баба Маня. – Говорю ж, совсем плохой стал! Забыл, что я на три года тебя моложе?

– Не моложе, а дурнее, – повысил голос дед. – Тебе до мово разума еще три года расти!

Илия, глядя на перебранку стариков, задумчиво улыбался. Не то, совсем не то ожидал он увидеть в Ивантеевке. И как только епархия на строительство здесь храма согласие дала? Для кого его тут восстанавливать? Для десяти стариков, которые и десяти лет не проживут? Деревушка-то вымирает... А по церковным записям в начале века в Ивантеевке проживало аж четыреста шестьдесят восемь душ, в Бережках двести сорок девять... Немаленькие поселки были, да и окрестные деревеньки тоже... Конечно, сильно прошедший мор подкосил, много умерло тогда, дети почти все, да и взрослых едва ли четверть осталась. Но ведь должны были еще нарожать!

– Нашли, что восстанавливать! Они б лучше магазин в тех Бережках поставили, а то на церкву замахнулись! Тама на двадцать верст окрест две деревеньки – сами Бережки да Кузькино, да и все, больше-то ничего и нетути. Наша-то Ивантеевка и вовсе уж не в счет! – спор стариков продолжался. Казалось, они и вовсе забыли о священнике, стоявшем рядом. – В Бережках еще живут люди, а в Кузькино и десять дворов наберется ли? Живут, как и у нас, старики одни бездетные да брошенные. А в магазин аж в Алуханск ездить надоть всем. Потому магазин нужнее вашей церкви! – взглянув на Илию, она при последних словах ткнула в него согнутым, изуродованным артритом пальцем, словно это Илия сейчас решал, что ставить в деревне – магазин или церковь.

– Храм тоже нужен. Нельзя все время о мирском думать, о душе тоже позаботиться надо, – примирительно произнес Илия.

Пока старики спорили, к ним начали подтягиваться и другие жители. Подходили, спрашивали, что здесь батюшка делает, кто-то подошел за благословением, одной бабушке пришлось пообещать, что обязательно отслужит молебен за упокой ее мужа, умершего три месяца назад, и утешить несчастную... Пока Илия занимался собиравшимися стариками, получившие благословение и утешающие слова собирались в кучку и обсуждали его появление. Наконец, у них созрел насущный вопрос, и баб Маня, на правах больше всех знакомой с батюшкой, подойдя, дернула его за рясу, обращая на себя его внимание:

– А гдей-то ты жить собираешься, ась? В церкви-то жить не сможешь... Там не то что крыши, стен нету...

– В храме и не живут, баб Мань, храм – это дом Господень, а мы в нем все гости. Жить я в доме буду, что недалеко от храма стоит. В администрации сказали, что он вполне пригоден для жилья.

– Энтэ в каком доме-то? Уж не Настасьином ли? – охнула Степановна, прижав платок к губам.

Илия улыбнулся, развел руками.

– Да я и не знаю, Настасьин это дом или нет. Мне не сказали. Объяснили, который, да ключ дали. Он слегка на отшибе стоит, крайний дом в деревне, ближе всех к храму. Ну, мне оно и удобней. Ну да посмотрю. Может, возле храма сторожка цела, так я в нее переберусь, мне много не нужно.

Старики тревожно переглянулись.

– В Настасьином, значит... Да... – прокряхтел Петрович. – Слушай, а мож, ну его, дом-то энтот, ась? Ступай вон хоть к нам жить, али вон к Степановне тож можно... А Настасьин-то дом ты ей мож оставишь, а?

Священник нахмурился:

– То есть – ей? Мне сказали, что дом пустой стоит, хозяев нет. Выходит, есть хозяйка? Я выгонять никого не собираюсь, если дом занят, поеду сейчас обратно, скажу, что ошиблись.

– Да годи ты... Ехать он куды-то собрался на ночь гляючи... Что дом-то пустой стоит, то тебе правду сказали, да токмо пустой он, да не пустой. Другие-то дома поразваливались, а энтот стоит себе, будто кто ходит за ним. А то Настасья за ним приглядывает, больше-то некому... – степенно проговорил высокий, в теле, мужчина.

– Подождите... Баб Мань, Петрович, можете сказать толком, живет в том доме кто? Есть у него хозяева? – тревожно пробегая глазами по враз помрачневшим лицам, спросил Илия.

Старики снова сумрачно переглянулись, мелко, крадучись крестясь, Петрович, покашливая, вновь скрутил сигарку и начал нервно набивать ее самосадом. Прикурив, он прокряхтел, вновь прокашлялся, и, взглянув на ждущего ответа священника, нехотя ответил:

– Живых-то хозяев у того дома немає... Померла Настасья-то... Давно померла. А дом-то стоит, да... Стоит, – и вдруг сердито воскликнул: – Сказывай давай, куды тебя определять-то? Ко мне, к Степановне вон, али таки к Настасье сунешься?

– В дом, который выделила мне администрация. На отшибе который, недалеко от церкви.

Илия стоял перед чуть живым плетнем своего нового дома. Дом как дом. Из хорошего, надежного камня. Старенький, конечно, но ничего, сойдет. Была бы крыша над головой да печь, еду приготовить. Он тихонько толкнул калитку, и та, сорвавшись с разваливающегося на глазах плетня, рухнула наземь, рассыпавшись от удара на несколько частей. Илия пожал плечами и перешагнул через нее. Дорожка к дому... а впрочем, не было дорожки. Была трава, которая путалась в ногах, мешая идти. И была поросль каких-то не то деревьев, не то кустарников – Илия не очень-то в них разбирался – веточки под ногами и веточки... А что за веточки – после разбираться будем.

Рассохшиеся старые деревянные резные ставни, едва державшиеся на ржавых петлях, были заботливо закрыты. Казалось, что держатся они на весу только благодаря своим половинкам – опираясь друг на друга. Илия сделал себе в голове пометку, что их необходимо будет заменить при первой же возможности. Как, впрочем, и резное крылечко, на удивление неплохо сохранившееся, но все равно довольно сильно прогнившее.

Не рискнув идти в дом в облачении, Илия прямо на улице переделался в мирское, аккуратно сложив рясу и убрав ее в машину.

По скрипучему крылечку, пару раз провалившись на прогнивших досках, он поднялся к двери, но замка на ней не увидел. Дужки, сплошь покрытые ржавчиной – те были, а вот замка не было. Снова пожал плечами, Илия толкнул дверь. Та, не выдержав подобного обращения, рухнула вовнутрь, подняв тучу пыли. Закашлявшись и утирая текущие из глаз слезы, Илия вернулся к машине, достал из своих вещей майку и, намочив ее, завязал на лице. Вернувшись к дому и подождав, пока пыль хоть немного осядет, он вошел. По скрипучим половицам сеней, то и дело проваливаясь на превратившихся в труху досках, он прошел к двери в дом, которая неожиданно легко открылась, снова подняв пыль в воздух. Войдя в дом, он огляделся.

Не считая жуткого слоя пыли и запустения, домик оказался очень уютным. Небольшая прихожая, с одной стороны ограниченная русской печью и приступками, что вели на не слишком большую лежанку, дальше – кухня-столовая-гостиная, из которой дверь вела, видимо, в жилые помещения. В гостиной – он решил называть ее так – в правом углу под потолком две почерневшие иконы за стеклом, настолько покрытые пылью, что узнать их было невозможно, перед ними давно погасшая лампадка. Под иконами две широкие деревянные лавки с удобными спинками, одна подлиннее, другая покороче, между ними большой, довольно широкий стол, на вид крепкий, добротный, сколоченный, сверху покрытый некогда белой скатеркой с вышитыми васильками по канве. Перед столом четыре таких же крепких, удобных деревянных стула с резными спинками. Посередине стены над длинной лавкой большое, широкое окно, закрытое ставнями, сквозь щели в которых пробивались последние лучи заходящего солнца, занавешенное остатками некогда ярких, обшитых кружевами занавесок, а слева от стола большой, пузатый старинный комод со стеклянными верхними дверцами, сквозь грязное стекло которых проглядывали силуэты аккуратных стопок фарфоровых тарелок, блюд и чашек.

Возле печи с широкой поверхностью для приготовления пищи стоит выскобленный рабочий стол, над которым когда-то рядом были вывешены деревянные ложки, лопаточки и другая кухонная утварь для приготовления еды, сейчас в беспорядке валяющаяся на столе, а

на специальной полочке чуть выше висевшей когда-то утвари стоят чугушки разных размеров доньшками вверх. На самой печи рядком висят четыре чугунных сковороды, а под ними на крепкой, устойчивой деревянной табуретке разошедшееся деревянное ведро с лежащим в нем деревянным же резным ковшиком с широкой трещиной в чаше.

Если бы не толстенный слой пыли, лежащий абсолютно на всем в доме, Илия мог бы поклясться, что заботливая хозяйка только что вышла на минутку из дома и сейчас вернется с кринкой парного молока. Оставляя в пыли следы, он шагнул к двери в жилые помещения и аккуратно приоткрыл ее. Перед ним предстала уютная комнатка с тремя большими окнами, также закрытыми с улицы разошедшимися ставнями. Она была проходной, за ней виднелась еще одна, отделенная от основной цветастыми занавесками. Основная комната была просторная, светлая, и какая-то спокойная. На стене над этажеркой с несколькими книгами висел большой фотопортрет за стеклом, по бокам от него две фотографии поменьше. Разглядеть, кто изображен на них, было невозможно – толстый слой пыли надежно скрывал изображения. За занавеской, рассыпавшейся в пыль и упавшей на пол грязной кучкой от первого прикосновения, обнаружилась совсем маленькая комнатка с одним окном, в которой вмещались железная, тронутая ржавчиной, кровать, шкаф, сплошь изъеденный ржавчиной жестяной умывальник и засохшее растение в большой кадке, от которого остался только пыльный ствол, под окном.

За печью был устроен закуток, в котором также стояла широкая, но уже деревянная кровать, еще один невысокий шкаф, сундук и стул. Окон здесь не было, а роль двери исполняла занавеска, также ставшая кучкой грязных ошметков на полу. Очевидно, закуток предназначался для семейной пары. Видимо, раньше дети обитали в большой комнате, вероятно, взрослая девушка жила в маленькой, а родители спали за печью. Большая кухня, служившая, по всей видимости, и гостиной, была также и местом сбора всей семьи – не зря она занимала самую большую часть дома, да и стол такого размера с лавками и достаточно большим количеством стульев, которые также обнаружили еще и в большой комнате, видимо, выставленные туда за ненадобностью. Но то, что они были, указывало на изначально большое количество человек в семье.

Илия с интересом рассматривал свое новое жилище. У него сложилось стойкое ощущение, что он попал в прошлое или в музей – настолько нетронутым все казалось. Ему было искренне жаль когда-то цветных домотканых половичков, лежащих на полу – было ясно, что испытание временем они все-таки не пережили – от его шагов некогда яркие полоски расползались под ногами.

Полумрак медленно, но верно сменялся темнотой, и, поняв, что скоро он совсем ничего не увидит, Илия вышел из дома и в задумчивости подошел к машине. Было абсолютно понятно, что ночевать здесь он не сможет – по крайней мере, сегодня точно. Но и напрашиваться к старикам не хотелось. Возвращение же в Алуханск означало бы победу мэра, а вот этого он точно не хотел. Илия понимал, что этот дом – попытка Сергея Николаевича заставить его согласиться на проживание далеко от Ивантеевки, дабы не мог он со всем усердием наблюдать за строительством. Потому сдаваться он не собирался.

Поужинав остатками купленных в поезде бутербродов и запив их оставшейся в пластиковой бутылке водой, Илия устроился на ночлег в машине.

С первыми лучами солнца Илия проснулся. От неудобной позы тело затекло, от сна в одежде совсем не отдохнуло. К тому же он продрог – в конце апреля ночи еще холодные, тем более на севере. Выбравшись из машины, Илия быстро сделал несколько упражнений, разгоняя кровь по затекшим членам. Сотворив молитву и полюбовавшись, как первые солнечные лучи начинают касаться верхушек деревьев, он не спеша побрел к развалинам храма, которые видел вечером, сбивая утреннюю росу с пробивавшейся молодой травы.

Представшее перед ним зрелище было одновременно печальным и величественным. От некогда великолепного храма мало что осталось – груда кирпичей, давно укрытая почвой, да пара больших арочных проемов, сплошь обвитых плющом, робко начинавшим выпускать молоденькие листочки. Между арок уже выросли деревья, показывая бренность человеческого существования перед природой. Завороженный, Илия не мог оторвать взгляда от останков некогда величественного строения, глядя, как постепенно укорачиваются тени, как розоватый, нежный утренний свет сменяется ярким дневным, заливая теплыми лучами все вокруг, и как первоцветы, тянущиеся к солнцу, поворачиваются, раскрывают свои нежные лепестки, купаясь в солнечных лучах.

От созерцания его оторвала баба Маня, притопавшая с корзинкой.

– Эй, как там тебя, прости Господи... – Илия, вздрогнув от неожиданности, обернулся. – Насилу отыскала... Ты гдей-то спал нынче, ась? – запыхавшаяся старушка опустила свою корзинку на землю и, подтянув концы платка под подбородком, поправила выбившиеся из-под него седые волосы. – Мы с дедом чуть не полночи тебя ждали, думали, ночевать хоть придешь. У Настасьи-то спать ты точно не мог... Где спал-то хоть? – с любопытством снова повторила бабка.

– Доброе утро, – улыбнулся Илия. – Милостью Божией в машине переночевал. Проснулся и решил на останки храма посмотреть, с чего начинать, примерялся. А что же вы с утра пораньше с корзинкой? В лес за чем-нибудь собрались? – спросил священник, подходя к ней.

– Да что там делать нынче, в тайге-то? Говорю ж, тебя искала. Вот, поесть тебе принесла. Голодный небось? А лучше пошли к нам, обогреешься да поешь по-человечески, – баба Маня с укором взглянула на Илию. – И чего вчерась не пришел? Это ж надо удумать – в машине спал! – она осуждающе покачала головой. – Пойдешь чтоль? Петрович тама тебя жаждался. Неужто старика не уважишь?

Мужчина улыбнулся.

– Нельзя не уважить. Благодарю за приглашение, – Илия учтиво склонил голову и взял корзину.

* * *

Войдя в дом, он прежде всего поискал взглядом икону, и, найдя, широко перекрестился, отвесив поясной поклон, и только после ответив на приветствие обрадованного Петровича.

– Ты садись, садись, – суетился старик. – Бабка кашу с утра сварила, вот яички свеженькие! Да ты бери, бери, не стесняйся! – угощал Петрович священника.

– Спаси вас Бог! Сами-то почему не кушаете? – посмотрел с доброй улыбкой на суесящихся стариков Илия. – Присаживайтесь уже, пищи более, чем достаточно, – помогая бабе Мане поставить на стол чугунок с топленым молоком и миску с домашней сметаной,

проговорил Илия.

Баба Маня уселась последней, с краю, и то и дело вскакивала, вспомнив, что у нее еще в погребе есть, что она на стол не выставила. На пятый раз Илия поймал ее за руку и усадил обратно на табуретку, убеждая, что больше ничего не нужно. Старушка расслабилась, взяла ложку, и тут же снова подскочила – забыла чайник поставить на печку.

Постепенно старики успокоились, и беседа за столом потекла более непринужденно. Поговорив о тайге, рыбной ловле и прошлогоднем урожае, Петрович вернулся к животрепещущей теме:

– Ты б шел к нам-то жить, ась? Вона и комната пустая стоит, и кровать тебе вон Манька уж приготовила... – сверкая исподлобья выцветшими от старости глазами, проговорил старик. – Мы тока рады будем. Живи, сколь надоть. Бабка тебе и стирает, и поесть сготовит... Не ходи к Настасье-то, ась? Ну на что тебе тот дом сдался?

– Стирать и пищу приготовить я и сам могу, спасибо большое. Да мне, молодому, это и полегче, чем вам, будет. Зачем вас утруждать? – улыбнулся священник. – Вы мне лучше вот что скажите, – отодвигая опустевшую тарелку и глядя на стариков, произнес Илия. – Почему вы так настойчиво отговариваете меня от того дома? Уборки в нем, конечно, много, ну ничего, это поправимо. С Божьей помощью справлюсь. А сам дом вроде вполне пригоден для жилья. Подремонтировать немного, и в нем вполне можно жить.

– Ты пойми нас правильно... – замялись старики, пряча виноватые глаза. Баба Маня мелко перекрестилась. – Мы сами-то не видали, опосля уж обои родились-то... – ерзя на стуле, забормотал Петрович.

– Ты ж священник, мы понимаем, – подхватила и баба Маня. – Понятно уж, что в призраков-то ты не поверишь... Нельзя тебе... Да тока старые люди говорили, что нельзя в тот дом ходить, и селиться в ем нельзя...

– Настасья-то, она ж того... Душа-то неприкаянная... Нет ей покоя, вот и бродит, добро свое стережет, – с опаской искоса глядя на Илию, проговорил дед.

Слушая бормотавших и прячущих от него глаза стариков, Илия только что головой не качал. Вот что отсутствие слова Божия делает! Мракобесие развели... Призраки у них тут, души неприкаянные бродят, добро свое стерегут... Работать тут и работать, разьяснять и убеждать. И с суевериями бороться следует, искореняя их. Потому пойти к старикам даже на ночь – лишь укрепить их в сомнениях в Господа нашего... Нет, надо искоренять ересь, надо.

– Суеверия большой грех, – сдвинув брови, проговорил Илия. – И что за душа неприкаянная? Почему? Похоронить забыли? Или медведь задрал вашу Настасью? – сперва строго, а под конец с легкой насмешкой проговорил священник. – И что, клад у нее, что ли зарыт там был, что она и после смерти по деревне бродит? Сами-то вы ее видели?

– А ты не насмешничай, коль не знаешь ничего! – неожиданно строго высказал ему Петрович. – Настасья-то в колодец вниз головой бросилась, когда дочка ее, Любава, пропала. Девчонку-то так и не сыскали, вот Настасья и самоубилась. Потому и душа у ней неприкаянная. А то, что дом свой стережет, так то хозяйство ее. Скока сил она с малолетства в него вложила, да и Любаву дома лишить она не даст – сильно она дочку любила. Потому и старостиху наказала, когда та у ей вещи-то забрать хотела, да в доме сына свово поселить... Не стерпела того Настасья, прогнала старостиху, да вещи вернуть заставила. С той поры к ней никто и не совался. А за домом-то она следит, да. Ты вона погляди – и пяти лет не проходит, как хозяйева помрут, а дома уж и рассыпаться начинают. А Настасьин дом-то стоит! А потому, что энто она за им глядит, для доченьки бережет, – нахмурившись, скороговоркой,

торопясь, выдал дед, после чего замолк, нервно скручивая сигарку и набивая ее самосадам.

– Ты на деда-то не серчай, – накрыла его руку своей теплой ладошкой баб Маня. – Тока вот правду он сказал. Не ходи ты к Настасье. Живи вона у нас, места много, а нам тока в радость то будет, – заискивающе и виновато глядя в глаза священника, баба Маня ждала ответа. – Оставайся, уважь стариков...

– Конечно, тут и думать нечего! Скучно одному-то... Да и удобств тама никаких нету. А у нас и банька, и печка вона... Да и то, что не один – все поговорить станет с кем, – уговаривал его дед. – Мы ж все понимаем, не по чину тебе Настасью-то пугаться, дак ты и не станешь. У нас-то жить удобнее. Приходи, а? А ввечеру и на рыбалку с тобой сходим, удочки у меня есть, да и лодка тож имеется. Ввечеру клев-то знашь какой?

– Спасибо, – улыбнулся Илия. – Я подумаю. Стеснять вас совсем не хочется. А на рыбалку, да с лодки, мы еще обязательно сходим, – глядя на Петровича, кивнул Илия. – А сейчас мне надо строителей дожидаться, а потом в город съездить, – взглянув на вскинувшуюся старушку, Илия вновь кивнул. – И вас отвезу обязательно, только завтра, хорошо? Сегодня не с руки мне немного, а завтра собирайтесь, специально с вами поеду, куда скажете.

Поблагодарив за завтрак и тепло распрощавшись со стариками, Илия отправился к руинам, откуда уже доносился шум двигателей.

Сориентировавшись, как стоял храм, священник переговорил с прорабом, где можно использовать машины, где не стоит, а лучше всего рыть лопатами, и отправился в Алуханск, к мэру.

Сергей Николаевич вновь встретил его с радостной улыбкой, которая сползла с лица, когда Илия сообщил, что в город перебираться по-прежнему не намерен. А приехал за тем, что надо бы часовенку небольшую поставить, пока храм строиться будет, а то где же службы-то проводить? Потому и рабочие ему надобны, и материалы тоже на постройку. Да и дом, ему выделенный, отремонтировать тоже надо, а это забота администрации. Получив обещание, что с понедельника будут и рабочие, и материалы, уже уходя, Илия очень порекомендовал мэру заняться дорогой до Ивантеевки, и хотя бы щебнем ее отсыпать – иначе застрянет его техника там надолго после первого же дождя. Мэр скривился, но подумать обещал.

Решив вопросы в администрации, он закупил все необходимое для уборки, постельные принадлежности, и отправился обратно. За сегодня он намеревался боле-менее привести дом в порядок – ночевать и сегодня в машине ему совершенно не хотелось.

Добравшись до дома, Илия переоделся, повязал на лицо мокрую тряпку, и принялся за уборку. Первым делом снял со стены иконы и лампадку. Осторожно отчистив их от вековой пыли и грязи, Илия обнаружил, что иконы Казанской Божьей матери и Николая Угодника, написанные на дереве неизвестным мастером и покрытые толстым слоем смолы, прекрасно сохранились, и даже деревянные образа, в коих они покоились, совсем не пострадали. Порадовавшись, Илия пока отнес это сокровище в машину, чтобы снова не запылились во время уборки, и принялся выносить из дома все, что мог.

Вслед за образами он снял со стены портреты. Аккуратно отчистив их, священник отложил в сторону фотокарточку молодого улыбающегося мужчины, полюбовался на фото белокурой кудрявой девочки лет пяти в кружевной платьице с куклой в руках, и замер, начав приводить в порядок самый большой из портретов. Все фотографии были выцветшие, пожелтевшие, не слишком хорошо сохранившиеся. Но с этой, едва отчищенной, на него

смотрели яркие, словно живые глаза молодой и очень красивой женщины со светло-русой косой, спускавшейся через плечо на высокую грудь и терявшейся в накинутах на плечи шарфе. Эти глаза впились в Илию, будто пытались проникнуть в его разум. Казалось, они неотрывно следят за каждым его движением, каждым вздохом, пытаюсь понять, с чем он пришел – с добром либо с худом? Утопая в этих глазах, Илия неожиданно для себя прошептал:

– Не порушу твоего ничего, Настасья. Сохраню все, что сохранить только можно. Не сердись на меня, не своей волей я твой дом занял... – и показалось Илии, что чуть потеплел взгляд удивительных глаз, словно улыбка в них появилась. С трудом оторвавшись от колдовских глаз, мужчина быстро и тщательно дочистил стекло, и, вымыв кусок стены, повесил все портреты на место. Выносить их на улицу он не решился.

Вскоре перед домом образовались две очень приличных горки – одна с тем, что можно сохранить, восстановить или жалко выбросить (как резной ковшик, например, чашу которого пересекала широкая трещина, или коромысло с вырезанными и выкрашенными яркими красками петухами), и вторая – с тем, что восстановлению уже совсем никак не подлежало.

И все время, пока пытался навести порядок, Илия ощущал на себе взгляд колдовских глаз хозяйки – тяжелый, внимательный, испытующий.

Выметая вековую пыль на кухне, Илия аж подпрыгнул от раздавшегося вдруг из соседней комнаты шума, словно там кто-то ронял сложенные в стопки вещи. Перекрестившись и шепча молитву побелевшими губами, священник несмело вошел в гостиную.

По комнате металась летучая мышь, то и дело натываясь на неустойчиво сложенные вещи и рассыпая их по полу. Не в силах стоять на неожиданно ослабевших ногах, Илия сполз по стеночке на пол, сорвал с лица тряпку и вытер ею вспотевшее лицо. Посидев пару минут и прочтя молитву, он поднялся, сходил за тряпкой, и, поймав зверька, вынес его в вечерние сумерки.

Тимофей сам всю жизнь мечтал обрести статус свободного человека, и сыновьям своим с младенчества привил эту мечту. Но самому выкупиться мало. Надо и семью выкупить у барина, и землю прикупить, и дом поставить. Потому работал он как проклятый, и детей к тому приучал. У всех цель одна была – денег скопить, чтобы свободными стать, крепостными больше не быть.

Вот и копил Тимофей каждую копейку, за любую работу хватался. Зимой в тайгу ходил, зверя бил, пушнину заготавливал. Да барину не сдавал – жена обрабатывала да складывала до поры на хранение. По весне, едва поля вспахав, уезжал он с торговым караваном, прихватив меха, и возвращался уж к осени, когда урожай снимать пора приходила. А летом корма сыновья заготавливали. Четырех коров держали – жена с дочерьми за ними ходили, доили, а молоко да масло, и сыр с творогом на рынок да в барский дом носили, продавали.

Накопил Тимофей денег, пошел к барину. Протасов, уважая того за упорство и честность, да за службу верную, выделил ему за неплохую цену хороший кусок земли неподалеку от деревни, возле церкви, да управляющему лесопилками велел не скупиться, и продавать Ивантеевскому на строительство собственного дома лучшую древесину со скидкой, дабы тот поскорее подняться смог. Только Тимофея очень просил по прежнему с караванами ходить да за торговлей надзирать, уже за плату щедрую – лучше он Тимофею заплатит, чем разворует все жулье проклятое. Тимофей согласился, слово свое крепкое в том дал. Только один год выпросил у барина здесь остаться, не ходить с караваном – дом построить надобно, а то дело важное, самому надзирать следует. Протасов согласился, да год отсрочки Ивантеевскому дал.

Так крепостной стал свободным человеком, землю свою первую обрел да фамилию, которую отныне детям мог передавать. И возник новый род – Ивантеевских. Тимофей тем сильно горд был, но послабления ни себе, ни семье не давал – по-прежнему все работали, средства копили. Сыновья-то растут, им тоже землю прикупить надо, да дома поставить, и дочерям приданое нужно – не за крестьян же их выдавать!

Занялся Тимофей домом. Ставить решил так, чтобы века простоял, и ни дети, ни внуки проблем не знали, а жили да радовались. Потому, поставив хороший, крепкий фундамент из речных валунов, что и человеку не обхватить, само здание тоже решил из камня делать. Дороже то выйдет, зато такому дому ни пожары, ни морозы не страшны. Решить-то решил, да где столько камня взять?

Пошел Ивантеевский снова к Протасову, кланяться:

– Иван Петрович, дозвожь твоими кораблями камень привезть, что закуплю. За то бесплатно за товаром твоим пригляжу, да за закупками, что сюда надобны.

– Да что ж, кирпич мой плох тебе, что ли? На что камень-то тащить? Да и много ли притащишь?

– Кирпич твой хорош, Иван Петрович, да тока я дом каменный хочу. Из природного камня, не глину обожжённую. Не в укор тебе то. Да тока камень покрепче кирпича станет. А я дом на века выстроить хочу. А что много... да и не много его надоть. Дом-то у меня не чета твоему будет, обычный, потому и много камня не надобно. Я уж и фундамент под камень изладил – большой, надежный. Долго дом на ем стоять станет, – склоня голову и крутя в руках шапку, объяснял Тимофей. – Дозволь, Иван Петрович! Век того не забуду!

– Ну привези, – подумав, ответствовал Протасов. – Тока за закупками для меня лично приглядывать станешь, и деньги все у тебя будут. За все траты лично отчитываться будешь. А список нужного я тебе перед отплытием предоставлю.

* * *

Прибыв на место и выполнив все наказы Протасова, Тимофей занялся поиском камня для себя. И вот, когда совсем уж купить собрался, сторговавшись с купцом, рабочий, что камень ему показывал, едва отошел его хозяин, успел шепнуть Тимофею:

– Не бери тот камень, кроме как на щебень, он никуда не годится. Ты печь сложишь, воды плеснешь на него, он и полопается. Я тебе многое сказать могу, да не бесплатно. Не местный ты, вижу. Коль увезешь меня отсюда, помогу тебе. Поверь, пригожуся! – дергая его за рукав и заискивающе заглядывая ему в глаза, торопливо бормотал мужичок.

– Добро, – задумчиво оглаживая бороду и разглядывая оборванного мужичка с затравленным взглядом, сквозь прорехи в одеже у которого проглядывали то синяки, то струпья, то свежие раны, кои кровили при неосторожных движениях, пачкая одежу, произнес Тимофей. – Завтрева, как волчий час настанет, жди – придут за тобой. Тока скажи, где еще, кроме как тут, камень купить можно для строительства?

– Как заберешь, скажу. Можно, – торопливо прошептал мужичок, наклонясь за валуном, чтоб передвинуть его.

Тимофей камень покупать пока отказался, сказал купцу, что подумает два-три дня, посчитает, сколько надобно, а за то время деньгу подкопит. Сказал да пошел. Услыхав вскрик, обернулся – купец безжалостно охаживал мужичка нагайкой, стараясь попадать в те места, в коих в одеже прорехи были. Покачал Тимофей головой, но вмешиваться не стал.

А на следующую ночь, на рассвете, как только шустрые мужички проскользнули на корабль, прозвучал сигнал к отплытию, и весь караван тронулся в обратный путь. Когда портовый город исчез из виду, Тимофей спустился в трюм. Украденный мужик лежал в уголке, обнимая себя руками, и с тревогой смотрел на Ивантеевского.

– Ну, увез я тебя, – присаживаясь на бочку и с любопытством глядя на изорванного мужичка, произнес Тимофей. – Сказывай, почто я на каторгу за тебя подписался?

– Не серчай, барин! – подползя к нему на коленях, упал ему в ноги мужик. – За спасение благодарствую. Что хошь для тебя сделаю, верой и правдой служить стану, не найдешь человека вернее! Тока увези меня от этого ирода подальше! Сил моих терпеть его больше нету! – залился слезами мужичок, вытирая облезлой бороденкой сапоги Тимофея.

Ивантеевский поморщился.

– Встань немедля. На коленях тока пред Богом стоять надобно, а я не Господь, – строго сказал он мужичку, морщась от исходящего от него запаха и брезгливости. – Как звать тебя?

– Прошкой звать, – вытирая нос рукавом грязной рубахи и поднимая давно не мытую, с проплешинами выдернутых клоков волос и струпьями голову. – А коль не по нраву, то зови как хошь, все едино, тока увези подальше!

– Ну увезти тебя мне и самому выгодно – не хочу на каторгу. А вот какая польза с того мне станет? – усмехнулся Тимофей.

– Ты камень искал? А на что камень тебе надобен? Я в нем сильно смыслю. Да и в строительстве тож хорошо разбираюсь. Печь любую сложить могу, дом поставить, –

заискивающе глядя на него, торопливо, захлебываясь словами и глотая их окончания, тараторил Прошка. – Отец мой добрым строителем был, каменщиком, и его отец тож, и отец его отца... И меня тому ремеслу сызмальства обучали.

– А почто камень купить помешал? Хозяину насолить хотел? – пряча в бороде усмешку, строго спросил Тимофей.

– Нет, – затряс головой Прошка. – Плохой то был камень, тока на щебенку и годился. Неуж не видал ты на нем сколов да трещин? Да и слюды в нем много, а то плохо – сложишь из такого камня печь, плеснешь на нее водичкой, он весь и полопается да рассыпется. Плохой то камень! – мужичок задумался. – А ты человек хороший, я то сразу углядел. Потому и помочь захотел. Да и сбечь от этого ирода уж скока раз пытался... А, что там! – махнул рукой Прошка и, снова шмыгнув носом, провел под ним рукавом. – Ежели вновь отловит, теперя уж точно до смерти забьет, – горестно опустил он голову.

– А чем провинился ты так? Чего он колотит тебя почем зря? – с любопытством спросил Тимофей.

– Да сам по себе он зверь лютый, да и я виноват перед ним... – опустил голову мужичок. – Сильно виноват... Да тока сполна он за то отплатил мне, да... Сполна....

* * *

Прохор родился в семье потомственных каменщиков. Только недолго у него детство было. Когда мальчишке лет восемь исполнилось, мать у него застудилась да померла. За ней и бабка убралась следом, а там и дед недолго на этом свете задержался. Осталось их пятеро – он, отец да трое сестер. Старшая-то все мать заменить пыталась, за младшими смотрела, за отцом, хозяйство вела исправно. Отец хоть порой и задумывался о том, чтоб снова жениться, да слезы дочери любимой останавливали. Да и справлялась девка по дому – все были сыты да одеты-обуты, чистые да умытые, да дома завсегда чистота да порядок были.

Вот как-то отец о строительстве договорился. А строить далеко было надобно. И он, взяв сына да оставив дочерям денег да наказы, на строительство отбыл. Думал то, что тока на лето уходит, по осени вернется, а получилось так, что три года до дома добраться не мог. А как добрался, за голову схватился – дочери его на кладбище рядом лежат, а в доме чужие люди живут.

Взял он сына, и отправился обратно, туда, где дом строил. Оттуда тоже погнажи, но в городе удалось на другую стройку наняться. Так и стали они скитаться от стройки к стройке. Отец за сына трясся, но и учить не забывал. Учил мальчонку жестко, если не сказать жестоко – на затрещины да розги не скупился. Но знаниями делился щедро, настойчиво их в голову мальчика вкладывая. А так как строителем он был от Бога, да и секретов знал немало, делиться было чем. В результате к шестнадцати годам Прошка стал добрым строителем, любой фундамент мог поставить, любую печь сложить. Да и дар у него тоже был – камень он просто чувствовал. Вот как люди тесто чувствуют, так он камень видел. А помотавшись по стройкам, не тока с камнем ладить научился. Плотники тоже с удовольствием своему ремеслу любознательного да толкового мальчишку охотно обучали, да секретами мастерства делились. Так и дерево освоил.

А спустя еще лет пять отец подхватил хворь какую-то, да за пару месяцев сгорел, стаял на глазах. Стал Прохор сам по стройкам метаться. Мастером он был уже известным, потому с

работой проблем не было, да и платили хорошо. Давно мог уже бы и домик себе прикупить, и жениться, и осесть. Да то ли пример отца останавливал, то ли еще любушку себе по сердцу не встретил, но так и оставался Прохор перекасти-поле.

И вот однажды нанял его один купец дом ему сложить из камня. Ну как из камня? Нижний-то этаж каменный, а верхний ему деревянный был надобен. А нижний-то не просто каменный сложить, а так, чтоб с арками был, да окнами особыми, стрельчатыми, да с башенками по углам. Ну, для Прохора то задачей не было. Цену обговорил, да камень закупать отправился.

А купец тот зверем был. Покуда Прохор смотрел да примерялся, да высчитывал, сколько чего ему надобно, много от дворовых его услышал да разузнал. Нет, специально он не спрашивал – незачем то ему было, но не глухой ведь! И узнал Прохор, что купец тот правило среди дворни завел – каждый вечер кого ни то к столбу привязывает да порет, покуда не сомлеют. А за большие провинности так и вовсе издеваться станет, покуда до смерти не замучает. Мёрли у него дворовые люди, словно мухи. То в клетку посадит да голодом али жаждой морит – интересно ему, скока человек прожить сможет без еды или воды. То в землю живьем закопает да глядит – сможет выбраться или нет. То ножами острыми всего изрежет – помрет али выживет? И так наловчился, что знал, как бить надобно, чтобы человек не сразу помер или вовсе жив остался.

Узнал Прохор, и что жена у того купца была, и забил он ее до смерти безжалостно. А за то забил, что дочку наказала, дала ей самой боль почувствовать. А дочку свою купец сильно любил. Души в дитятке не чаял. Да и то сказать – хороша девчушка была, словно ангел. Волосики белые, точно снег, крупными волнами лежащий на плечах. Сама точеная, тоненькая, стройная. Глаза, что озера синие – на пол лица. Посмотришь на нее – и глаз отвесть сил нет – до того хороша. Да только душа у нее черной была. Характером да привычками в отца пошла. А тому и вовсе радость. Звал ее каждый вечер, как мучать кого начинал, и ей давал поиздеваться. Да показывал, где жилы идут опасные, от которых человек помереть может. А та и рада. Хлеще отца над людьми измывалась. А ведь кроха еще шестилетняя!

Закупил Прохор камня, какого надобно было, да за дело принялся. И каждый вечер видел и отца, и дочку, и наказания. И закипал. Но сделать ничего не мог. Купец над доченькой, словно ястреб, вился, дышать возле нее забывал. А уж как берег!

Однажды, на лесах стоя, башенку доделывая, почувствовал вдруг Прохор острую боль в паху. Вскрикнул от боли и неожиданности, чуть с лесов не свалился, да вовремя развернуться сумел и в стену спиной упереться. Но, покуда разворачивался, ловя равновесие, почувял, словно толкнул что-то, а следом крик детский, испуганный, звуком удара оборвавшийся. Держась за пах, мужчина отлип от стены, на дрожащих ногах шагнул к краю лесов и взглянул вниз.

На камнях, приготовленных для подъема, раскинув руки в стороны, сломанной куклой лежала белокурая девочка в голубеньком платьице с оборками, глядя нереально синими остановившимися глазами в небо. А из-под белых кудрей, постепенно пропитывая их и окрашивая в алый цвет, вытекала кровь. Образ ангела портил только крепко зажатый в кулачке окровавленный острый тонкий стилет, выполненный специально под руку девочки и отточенный до бритвенной остроты.

Сглотнув подступивший к горлу комок и пытаясь удержать равновесие на внезапно ставших зыбкими лесах, Прохор отступил к стене и опустил взгляд вниз. По штанине от паха

спускалось красное пятно, выливаясь на доски густыми черными каплями. Он еще успел услышать что-то кричащие голоса внизу, после чего в глазах потемнело, и мужчина тяжело свалился на не струганные доски.

Услыхав испуганный вскрик доченьки, купец, пересчитывавший товар в пришедшей телеге, завертел головой в поисках дитятка, зверея с каждой секундой все больше. Не найдя взглядом девочку, купец, зарывчав, в ярости оттолкнул приказчика, пролетевшего добрых пару метров, прежде чем приземлиться на утопанную пыльную почву двора, и двинулся в направлении, откуда раздался вскрик ребенка.

Зайдя за угол, купец увидел лежащее на камнях детское тельце. Не веря своим глазам, он на негнущихся ногах медленно подошел к телу дочери, и, не сводя взгляда с ее замершего навеки личика, рухнул на колени, протягивая к ней дрожащие крупной дрожью руки и не решаясь коснуться ее. Медленно, очень медленно, к купцу приходило осознание случившегося.

– Ева... – прошептал он трясущимися губами. – Ева, доченька... Вставай... Вставай... – шептал он, а из глаз его катились крупные слезы. – Ева...

Наконец, найдя в себе силы, он коснулся еще теплого личика девочки, убирая упавшую на лицо прядь волос и, вдруг схватив ее, начал трясти, бормоча сквозь рыдания:

– Ева, очнись! Девочка моя, скажи хоть слово! Ева! Еееваааа! – закричал купец, обнимая ребенка и закапываясь рукой в ее окровавленные волосы, изо всех сил прижимая к себе безвольное тельце и громко рыдая.

Постепенно, чуть в отдалении от купца, стоявшего на коленях и рыдавшего в голос, уткнувшись лицом в ставшие темными и слипшимися волосы дочери, стала собираться дворня. Дворовые люди активно перешептывались, крестились, глядя на представшую их глазам картину, но ни на одном лице не было жалости и сочувствия, а уж тем более горя от произошедшего. Напротив, на лицах некоторых появлялись улыбки, и каждый из собравшихся вздохнул с облегчением, и уже не раз про себя возблагодарил Господа, что прибрал злыдню подраставшую, ибо уже сейчас это исчадие было хлеще батюшки, а ведь оно еще вырастет...

Очнулся Прохор в комнатухе, куда его принесли дворовые, потихоньку сняв с лесов. Повезло ему – видимо, малявка в жилу ткнуть хотела, да промахнулась чутка. Они с отцом тот удар уж недели три отработывали, сколько народу извели – не по одному человеку каждый вечер портили!

Дней пять Прохор спокойно отлеживался – люди за ним, как за родным ходили, благодарные за избавление от маленькой пакости, а кое-кто и намекал, что и взрослого ирода тоже бы неплохо... успокоить. Но, видя переживания мужика – все-ж таки ребенок, жалко – в ответ пожимали плечами, а порой и в открытую говорили: «Не попадал ты в ручки того ребенка, особенно, когда ей пошалить хотелось, либо зла была...». И, глядя на мрачные лица людей, ощущая свою рану, Прохор рад был, что не попадал...

А потом купец протрезвел... Виновного в гибели дочери он нашел быстро. И Прошка пожалел, что на свет родился. Бил он его долго, но не до смерти. Давал чуть отлежаться в запертом сарае, и снова бил. Попервой-то Прохор себя винил – ведь и впрямь толкнул ребенка, хоть и без умысла, но спустя время начал думать, как ему сбежать. И сбежал. Но купец изловил его, и стало еще хуже. Что он только не вытворял с мужиком! Но, видимо, мастер был ему нужен, тем более, что город строился, разрастался, и камень был весьма востребован, и потому Прошка был все еще жив.

Когда он сбежал во второй раз, купец, изловив, жег его каленым железом, обещая в следующий раз залить ему в глотку расплавленный свинец. А после засыпал раны крупной солью, твердя, что Прощка ходить если и сможет, то исключительно под себя. Сломав мужика морально и физически до состояния тряпочки, купец на время оставил его в покое, пока раны чуть не поджили. А после снова издеваться принялся. И с тех пор, все восемь лет, дня не проходило, чтобы ирод его не увечил.

Устал Прохор от такой жизни. Уже и обещанный попами ад за самоубийство пугать перестал, да тока следили за ним хорошо. Были, были и верные псы у купца, готовые исполнить любой его приказ по первому слову. Они-то и сторожили каменщика. И даже повеситься у Прощки возможности не было. А вот позавчера свезло ему – купец его на рынок потащил, камень таскать. Да и отвлекся со своими псами верными на минутку, коей Прощке хватило, чтоб первого встречного о помощи молить.

* * *

– Богом молю, увези подальше от ирода проклятого! Верой и правдой служить тебе стану! – умываясь слезами, непрерывно текущими по впалым щекам, закончил свой рассказ мужичонка. – Чем хошь поклянусь тебе, что не солгал я ни в едином слове!

– Верю я тебе, верю, – задумчиво оглаживая бороду, медленно произнес Тимофей. – Ну вот что... Гляди. Дом я решил изладить каменный, да и все подворье строить надобно. Следовательно, камень мне надобен для постройки дома да печей. Сказывал ты, каменщиком неплохим был? – впился в дрожащего беднягу Тимофей острым взглядом. Тот закивал, да так, что тому показалось, будто голова Прощкина сейчас от подобного усердия оторвется и под ноги ему покатится. – А не забыл ли науку-то?

– А ты испытай! – поднял на него взгляд мужичонка.

– Добро. Ну раз так, вот тебе мое слово: поможешь мне дом да подворье поставить – награжу щедро, и иди куда хошь. Хошь, в деревне нашей осядешь, хошь, к барину на службу пойдешь – твоя воля. А мы с тобой тогда в расчете станем. Согласен ли?

– Согласен, согласен! – закивал Прощка.

– Ну а коль согласен, сказывай, какой камень и где купить можно, – степенно проговорил Тимофей.

* * *

Дом Прощка ставил Тимофею крепкий, на века. Каждую досточку, каждое бревнышко пропитывал смолой, да не по разу, подгонял до последней щелочки, и снова пропитывал, чтобы не страшна была ему любая непогода. Всю душу в дом тот вложил. Тимофей Прощку не обижал, кормил как следует, одел, обул, деньгами жаловал. И Прохор, почувяв себя человеком, вдруг ожил. На все был готов для Тимофея, и работал на совесть. Отродясь он так не старался. Ни единой щели не было ни в самом доме, ни в отделке, ни в окошках. Красоту навел, как только мог. Ставенки и наличники резными изладил, просмолил от души, яркими красками раскрасил. Крылечко высокое тоже резным сделал, широким, надежным. Сени просторные устроил, а дверь в горницу, крепкую, дубовую, навесил особым, секретным

способом – клялся, что и двести, и триста лет пройдет – не скрипнет дверь, не скосится, и смазывать ее надобности не будет.

На подворье тож извернулся. Баню выстроил на загляденье, погреб выкопал глубокий, ход в него удобный изладил, широкий, ступени каменные, полочки вырыл высокие, глубокие, камнем все укрепил, выровнял, сток для талой воды камнем выложил, смолой залил, окошки специальные для воздуха пробил, чтобы всегда там воздух свежий был, чтоб сырости не было.

Тимофей сильно доволен остался. Щедро наградил Прохора, к барину отвел, обсказал тому, что мастер знатный. Протасов порадовался тому, дом Прошке выделил, жалованье положил, работы задал да учеников дал, как своими глазами увидел, что тот умеет. Стал Прошка жить, да радоваться. Только одна беда была – никуда ехать с Ивантеевки не желал, какие только деньги барин ему за строительство ни обещал. В ногах у барина валялся, слезы горячие лил, на все был согласен – но здесь, на месте. Ехать куда-нито никак был не согласен.

Проснувшись, Илия взглянул на дело рук своих. Мдаа... Пол в ужасных разводах, стены грязные, в углах паутина, сквозь мутные окна в ужасных разводах едва проникает солнечный свет... Про потолок и говорить страшно. Уборка в темноте – дело грустное и бесполезное. Мыть здесь еще и мыть. И это он еще с мебелью и посудой не разобрался...

Совершив утреннюю молитву, Илия позавтракал и собрался продолжить уборку, как раздался робкий стук в окошко. Уверенный, что это кто-то из сердобольных старушек принес ему завтрак, мужчина отправился к двери.

Недалеко от порога стояла незнакомая женщина лет сорока. Удивленный Илия поздоровался. Женщина, растерянно оглядываясь на царящий во дворе беспорядок и не менее растерянно взглянув на появившегося на пороге в джинсах и футболке молодого мужчину, заикаясь, пробормотала:

– Простите... Я, кажется, ошиблась... – и повернулась, чтобы уйти.

– Подождите! – Илия сбежал по порожкам, уже привычно перепрыгивая гнилые доски. – Вы кого-то искали? Что случилось?

– Простите... Я батюшку искала. Вроде ехала, как сказали... Наверное, свернула не туда... Простите, – женщина снова развернулась, чтобы уйти.

– Вы не ошиблись, – вслед ей произнес Илия. – Я священник.

– Вы? – удивленно произнесла женщина, смерив его взглядом с головы до голых пяток. – Но...

– Священнослужители не всегда ходят в облачении, – улыбнулся Илия. – У вас что-то случилось? И откуда вы?

– Я с Бережков... У нас слух прошел, что в Ивантеевку батюшка приехал. А у меня отец вчера умер. Вот хотела договориться об отпевании и... я не знаю, что там еще полагается... Служба, наверное... А где вы отпевать будете? Здесь? – женщина повела рукой, как бы показывая беспорядок.

– Царствие небесное рабу Божию. Соболезную горю вашему. Но сильно горевать не стоит – отец ваш сейчас начинает свой путь к престолу Господа нашего. Его земной путь завершен, и начинается жизнь в Царствие Небесном, – попытался утешить женщину Илия. – Отпевание обычно проводится в храме, или хотя бы в часовне. Но нам еще предстоит выстроить их. Я только позавчера прибыл сюда, и пока привожу в порядок дом, который мне выделили. К сожалению, провести отпевание как положено сейчас не получится, но проводить в последний путь усопшего необходимо. Во сколько завтра погребение состоится?

Договорившись о проведении похорон, Илия отправился к рабочим, которые расчищали руины, и к тем, которые приступили к строительству временной часовенки недалеко от храма.

Условившись с ними, что по окончании работ там они уделят немного времени и ему, Илия вернулся и продолжил уборку. Периодически его отвлекали – заботливые сельчане пытались помочь. Кто-то забрал посуду и тщательно перемыл ее, кто-то приносил ему покушать, кто тащил тряпки для уборки, мужчины вывезли весь мусор и скосили траву на участке. Каждый стремился помочь батюшке. Конечно, не обходилось и без разговоров.

Неделя потребовалась Илии, чтобы привести дом в порядок. Наконец, все было отмыто, уложено, везде наведен порядок. Рабочие, нанятые для разбора руин, помогли ему перекрыть

крышу, заменить разошедшиеся окна, перестелить полы в сенях и заново отстроить прогнившее крылечко. На входе в сени повесили новую дверь. Все время наведения порядка Илия старался максимально сохранить то, что было. Лавки были укреплены и тщательно покрыты лаком, на столе пришлось заменить пару досок и заново покрасить, полочки под иконы священник самолично выстругал из новых досок, шкафы отремонтировал.

Разговоры стариков про давным-давно умершую Настасью он посчитал досужими вымыслами, за давностью лет превратившимися в местную легенду. Но стыдить людей за суеверия не забывал, приправляя поучения притчами и порой строго грозя пальцем.

Но про красивую девушку с живыми глазами, портрет которой висел у него на стене, Илии и самому было интересно узнать, к тому же каждый из жителей ему уже рассказал, как она закончила жизненный путь. Но сельчане были уверены, что она до сих пор бережет и сохраняет свое добро. И потому никто из них не соглашался зайти в «Настасьин» дом – боялись мести умершей почти сто лет назад женщины. И сколько священник ни пытался разубедить их, ничего не получалось – ему кивали головами, соглашались с его доводами, замолкали, когда он начинал хмуриться, но продолжали верить в эти легенды. И даже торжественное освящение дома не помогло.

И хотя каждому из сельчан Илия объяснял, что дом сохранился потому, что построен был на века, старательно, да и рабочие подтверждали – да, с такой пропиткой смолами дерево действительно простоит и двести, и триста лет, но легенда вновь шепотками ходила по деревне. Да и рабочие, начинавшие работу с молитвы, продолжали ее рассказами и предположениями о Настасье. Куда бы священник ни пошел, всюду он или слышал это имя, или видел виноватые глаза, которые люди опускали, едва его завидя, при этом стараясь незаметно толкнуть собеседника, чтобы замолчал. И в результате бродившая уже и среди рабочих местная легенда постепенно обрастала все новыми и новыми подробностями, а вскоре нашлись и те, кто видел Настасью своими глазами.

* * *

Илия часто смотрел на тот портрет. Для него оставалось загадкой, как смог фотограф примитивным фотоаппаратом сто лет назад поймать вот этот взгляд? Он знал, что многие фотографии в прошлом подрисовывали, но либо ретушь была настолько талантливой, либо ее и вовсе не было, но следов вмешательства в фотографию на лице девушки он так и не нашел. Кружевной стоячий воротничок на строгом платье – да, был подрисован, хотя и умело, а вот глаза...

Глаза оставались тайной. Они были яркими, живыми, лучистыми. Каким образом снимок, выцветший и пожелтевший по краям, местами даже осыпавшийся превратившейся в труху старинной фотобумагой, непосредственно изображение сохранял ярким, особенно глаза – оставалось непонятным. И не раз Илия ловил себя на мысли, что спиной ощущает взгляд внимательно следящих за ним глаз. Обернувшись, он никогда никого не замечал, но ощущение оставалось.

* * *

Часовенку поставили за две недели. Привезя заказанные иконы и утварь, Илия старательно наводил в ней порядок, развешивая и расставляя по местам привезенное. Сельчане и рабочие, находящиеся в отдыхающей смене, ему активно помогали. Это радовало священника – было видно, что души людские истосковались по слову Божию, по храму... Нередко и с Бережков приезжали жители, чтобы помочь. Илию уже знали и там.

Часовенку штукатурили и приводили в порядок всем миром. Но даже там в шепотках и тихих разговорах людей незримо витала Настасья. И, чтобы отвлечь прихожан от бесконечного обсуждения животрепещущей темы, он решил перевести разговоры на взорванный после революции храм.

– Баб Мань, – обратился он к возящейся, как обычно, возле него старушке, – а после того, как храм взорвали, неужели люди не пытались хоть часовенку поставить? Ведь на сотни километров вокруг нет ни одного храма.

– Пытаться-то пытались, да что толку-то? – задумчиво пошамкав губами, произнесла старушка. – Попа-то старого, который в церкви-то настоятелем был, как церкву-то разломали, вот его-то тады возле нее прямо и застрелили, на виду у всех. Так пятно кровавое на стене и осталось. А мальчонку его, коего он пригрел, сироту, вроде как в приют забрали. А остальных попов, что в ней служили, тоже расстреляли. Но то дело давнее, я мала была, когда мать об этом тайком рассказывала, не помню почти ничего. Только то, что она шепотом сказывала. А так-то ни... Тогда-то с этим строго было. Всё твердили, что Бога нету. А как-жеть это его нету, ежели он есть? – развела руками баба Маня с растерянным взглядом. Покачав головой и возвращаясь к натиранию утвари, она продолжила. – Об чем ты спрашивал-то? Ааа, про новую часовню... Ну так вот, слухай.

* * *

С месяц люди, крестясь и утирая слезы, косились на руины церкви. Оставшиеся мужики собрали сход и стали решать, что делать дальше. О какой свободе пели эти, в черных кожаных куртках? А ведь с ними еще и бабы были! Остриженные, как мужики, с сигарками в зубах, в штанах... тьфу, срамота! Да и поведение их... Да разве то бабы? Кому такая жена надобна?

Новые хозяева оказались гораздо хуже старого барина. Протасов их не грабил, последнее не отбирал, людей не угонял никуда, в церковь ходил честь по чести. А ежели случалось, что на работы куда отправить человека надобно, завсегда спрашивал – согласен ли, да платил исправно. А уж чтобы церкву рушить... Да сам бы лично живьем того негодяя по кусочкам разорвал! Любили Протасовы ту церковь, следили за ней.

Богатая церква была, красивая. Большие арочные окна в два яруса обрамляли нарядные наличники, стены и своды выложены фигурными кирпичами, образующими мельчайшие детали узоров. Фальш-окна расписаны, а по всему храму едва заметной паутинкой пущена ажурная лепнина, придающая ему невесомость. Внутри все блестело золотом, горели толстые свечи, и ажно три печи отапливали храм, дабы прихожанам было тепло и уютно.

Золотые маковки за много верст были видны с реки, а вскоре и сам храм выплывал навстречу. Издали он и вовсе чудесным видением казался. Со всех сел и деревень окрест люди по скока верст хаживали на службы воскресные, а уж на праздники храм завсегда полон был. Да и к иконе чудотворной, у коей Кузьма, первый Протасов, сына вымолил, поток страждущих не ослабевал.

И детей обязательно в приходскую школу водили, а то как же? Сам Протасов приказал со всех деревень окрест детей опосля службы собирать да учить счету да письму. И даже пристройку для того специальную к храму сделали, давно уж, с лавками да столами, рядами стоящими. Да и сам барин частенько проверял, как исполняется. И ежели не знали дети счета или прочесть ему не могли, что укажет – беда попам была. Хоть и уважал Протасов батюшку-настоятеля, но за детей, науку не постигших, трепал безжалостно. Потому и люди все грамоту разумели, читать да считать могли. А теперя как? Кто и где детей наукам учить станет? Батюшку-настоятеля то ироды застрелили, а остальные попы сами к стене встали...

Вот мужики подумали, в затылках почесали, да порешили недалече от старой церкви новую махонькую срубить. Тада еще кой-кто пару икон припрятать вроде успел, да еще утварь кой-какую...

Поставить-то ее поставили потихоньку, и даже иконы туда народ притащил, да только служить в ней некому было. Батюшку и остальных священников из земли не подынешь, а новых где взять? Снова собрались, посудили, порядили, ну и порешили хоть так в ней молиться – авось Боженька простит их, грешных, да не огневается за самовольство такое.

Стали ходить молиться в часовенку. Да все не то – службы-то отправлять некому, за порядком кто приглядит? Да и молиться тоже – что дома, что в часовенке той – на голых стенах пяток икон висит, а боле и нету ничего. Вот вскоре и пересуды посреди народу пошли. Церква-то не освященной стояла, святить-то ее кому? Ни святой воды нету, ни елея, ни мира... Свечек-то налепить можно было, но тож не те свечки-то, не церковные. Вот и стал слушок ползти – а кому в той часовне народ молиться-то станет? Никак Нечистому? А чего? Место не святое, попа тоже нет, свечи самодельные, ладана – и того нету. Осталось только серу поджечь.

Вот люди-то шептались, шептались, а в одну ночь полыхнула та часовенка, ровно свечка, да и сгорела дотла.

* * *

Баба Манька пошамкала губами и поправила съезжающий с головы платок.

– Засиделися мы с тобой нынче... Ты б людей-то отпустил. Устали уж все, хватя на сегодня, – вывела Илию из задумчивости она.

Священник, вынырнув из своих мыслей, оглядел часовенку, в которой уже зажгли свечи и керосиновые лампы. Кивнув собеседнице, он встал, собрал всех и начал читать благодарственную молитву по окончании работ.

Помолившись с людьми, он поблагодарил всех за помощь, напомнив о завтрашней утренней службе. Пока люди разбредались, Илия тщательно загасил все свечи, задул керосиновые лампы, и, прикрыв дверь в погружившуюся в вечерний сумрак часовню, вышел на свежий воздух.

На лавочке его ждала баба Маня.

– Пойдем, отужинаешь с нами. Чаво тебе там одному сидеть-то? Так хоть с Петровичем поговоришь. Совсем ты к нам ходить перестал, – попеняла она ему.

– Некогда, баб Мань, по гостям ходить, – улыбнулся Илия. – Сама видишь, дел сколько. А завтра воскресенье, завтра детей с Бережков привезут крестить. В первый раз в часовне нашей таинство крещения совершать будем.

– А чего смурной-то такой, ась? Чего тебе покоя-то не дает? – уставилась на него баба Маня. – Вроде и здесь ты, а вроде и нету тебя... Где мыслями витаешь?

– Да вот все думаю... Вот рабочие приехали на строительство, и с окресных населенных пунктов приезжают... Про Настасью, что якобы после смерти своей призраком стала, сразу подхватили, и рассказывают друг другу на всех углах, а кто-то и сам ее уже видел, – Илия широко улыбнулся, увидев виноватое выражение лица старушки. – Да, да, стыдно то и не похристиански. Но я сейчас не о том. О призраке-то все рассказывают, а вот как она до смерти жила – никому не интересно. Вы вот говорили, дочка у нее пропала. А почему пропала? Что с ней случилось? Да и сама Настасья... Какой она была? И почему в доме одна осталась?

– Вона ты о чем... – задумчиво протянула старушка, подтягивая концы платка. – Я то ее никогда не видала, но люди баили – красивая она была... Вот Любава, дочка ее – та нет, девчонка как девчонка, обычная, в отца, видать, пошла, а Настасья в свое время не одно сердце разбила.

– Красивая... – вздохнул Илия. – Глаза у нее необычные... – и, заметив, что старушка аж развернулась, уставившись на него с открытым ртом и медленно осеняя себя крестным знамением, усмехнулся. – Баб Мань, не надо на меня так смотреть. Нет никакого призрака. Портреты на стене висят, фотографии. Потому и знаю, как усопшая хозяйка выглядела. И мужа тоже видел, и дочку ее. Муж-то в привидения у вас вроде не записан? – насмешливо поддразнил он бабку, все еще неверяще глядящую на него.

– А сама-то не являлась? – осторожно спросила баб Маня, тут же спрятав глаза.

– Нет, потому что это невозможно. И никогда и никому она не являлась, в том я тоже уверен. А легенду люди придумали. И дом стоит, потому что построен качественно, и строители всем это не раз говорили, – сдвинув брови, строго высказал ей Илия. – В Господа веровать надо, и уповать на милость Его, а не сказки людям рассказывать.

– Пойдем ужинать, – стремясь перевести тему, потянула его за рукав старушка. – А тама и Петрович, глядишь, мож и расскажет, какой она была, – заискивающе заглядывая священнику в глаза и увлекая его в сторону своего дома, бормотала она.

Как построил Прохор Тимофею дом, он семью перевез. Подворье готово еще не было, ну ничего, потерпели маленько. С младшей самой, Настенькой, сложновато было – только родилась малышка, без баньки с ней тяжко, но справились. Сам Тимофей с женой в закутке за печкой устроились, старшей дочери закуток отгородили – большая уж девка была, о тринадцати годах, уже и свататься к ней начинали, негоже ей в одной комнате с пацанами – то быть. Старшие сыны четырнадцати и двенадцати годов печку себе облюбовали, а малышню всех четверых в большой комнате устроили. Настеньке зыбку возле их закутка повесили. Всем место нашлось. Хороший дом получился, просторный.

* * *

Прошло лет десять, и пришла беда, откуда не ждали. Как начали караваны по реке ходить, да с кораблями и рабочие приплывали, и просто люд в храм помолиться шел, особливо иконе благодатной поклониться, напал на поселок страшный мор. Сперва-то и не поняли – первыми старики в лихорадке свалились, да недолго лежали, день-два, да отходили. Вслед за ними малые дети слегли, потом те, кто постарше, а там и взрослых косить начало. Почитай, за пару недель двора не осталось, где смерть не отметилась.

Первое время умерших еще хоронили, как положено, но как стали люди вымирать целыми семьями, когда уж боле, чем пол поселка на кладбище снесли, стали покойников прямо в домах их сжигать, в надежде заразу остановить. Но ничего не помогало – людей с каждым днем умирало все больше и больше, а пережить болезнь единицам удавалось.

Попервой зараза обходила дом Настасьиною отца стороной. Уж половину поселка схоронили, тех, кто не заболел, единицы оставались, кто-то и выздоравливать начинал потихоньку, а Настасьину семью мор всё не брал. Может, оттого, что дом ихний на отшибе стоял, на хуторе? А может, оттого, что Тимофей детям строго-настрого в поселке появляться запретил, да и сам туда не хаживал. А то и оттого, что как люди из церкви уходили, он туда бросался да на коленях у иконы чудотворной здоровье да жизнь детям своим вымаливал. Или потому, что сама церква рядышком была, колокольным звоном да ладаном хворь отгоняла. Кто знает? Но не трогала смерть семейство на хуторе.

Мор уж вроде на убыль пошел, меньше четверти выживших в поселке осталось, когда свалился с той же хворью брат Настасьи. Узнал он, что невеста его померла, так сжечь ее вместе с домом не дал, могилу выкопал да схоронил самолично. А через день и сам слег.

За ним и остальные дети полегли, а за ними и мать. Только отца с самым старшим братом да Настасью хворь не брала. Схоронили сперва младших детей, опосля и старших по одному на кладбище сносить стали. А вот когда жена его слегла с той же хворью, отца как подменили. Не отходил от постели жены ни днем, ни ночью. Поил кагором, выпрошенным у батюшки-настоятеля, холодной родниковой водой обтирал, ладаном курил над нею – все без толку, угасала жена, как свечка. На осьмой день, как слегла она, уж вовсе без сил, на коленях снес ее отец на кладбище. Еле хватило сил вырыть с сыном могилу едва-едва на метр – лишь бы захоронить. Ползком ползал, на коленях копал, вгоняя лопату в землю на пару сантиметров – на большее сил не хватало, но копал. Не мог он жену любимую, с которой уж

четверть века прожил, поверх земли оставить. В опустевший, осиротевший дом чуть не ползком приползли с сыном, да слегли в жару да бреду.

Металась меж ними Настенька: то попить дать, то укрыть, то раскрыть... Да и сама не заметила, как свалилась.

* * *

Спустя время люди, что в церкву шли, батюшку-настоятеля проведать – тож заболел, бедняга, последним из священников – запах учуяли, что от хуторского дома шел. Сами-то чуть живые еще, едва ноги передвигают опосля болезни. Встали на перепутье, и думают – куда сперва-то идти? Но, рассудив, что ежели с хутора так воняет с каждым дуновением ветерка, помогать там уже некому, а потому сперва стоит батюшку навестить – авось выживет хоть один из священников? Так и сделали.

А как обратно направились, тогда уж и к хутору завернули. А там возле дома вонь – хоть святых выноси. Ну понятно, что померли все, и давно. Хотели уж дом подпалить да не мучиться – сил-то даже на одну могилу хватит ли? А их сколько надо? Да и тела таскать тоже... Да еще и разлагающиеся... В общем, никому не хотелось.

Пошли мужики за соломой да за дровами – дом обложить да поджечь, а бабы все языками чешут, судят да рядят.

– А ежели в доме кошка какая живая осталась? – вдруг выдала Марфа. – Мы ж существо живое в огонь бросим... На душу сей грех не ляжет ли?

– Верно ты говоришь, Марфинька... – задумчиво протянула Ульяна. – Нам нынче тока нового греха на душу не хватат. И так мор тока-тока отступать стал, а мы сызнава грешить? А ну как болезнь вновь вернется? Тогда точно уж все полягут.

– Надоть дом сперва проверить, а опосля уж и поджечь, – придумала Арина. – Тада уж точно знать станем, что живого там никого нету.

– Верно! – обрадовались Марфа с Ульянкой. – Да и глянуть бы неплохо, мож, и ценного тоже чего найдется... Чаво зазря деньгу-то в огне жечь? Хозяин-от не бедный, чай, был...

В общем, дождалися они мужиков и обсказали им свои соображения. Те в затылках почесали, подумали, да с бабами и согласились. Ну, кошка не кошка, а живой кто и впрямь остаться мог, тока сил нету из дома выйти. Хотя верилось в то с трудом. Но для очистки совести и успокоения собственной души проверить надобно. Да и монетки лишними не станут. Хозяин-то и верно не из бедных был, деньгу копил, чтоб сынам тож подворья поставить.

Ну, коль порешили, повздыхали, носы и рты рубахами обмотали, да пошли. Зашли, а в доме хозяин да сын его уж сколько ден мертвые лежат... Смотреть-то тошно. Стали их одеялами прикрывать, чтоб не видеть их, значит, да и вонь мож чуть поменьше станет. А одеяла-то, недолго думая, брали с кучи, что на соседней кровати лежала. Одно взяли, второе, третье... Глядь, а под кучей тряпок Настена лежит, руками себя обхватила да дрожит. Живая, значит...

Ну что делать? Достали ее из дома, обмыли, попить дали. Брата с отцом тож из дома вынесли. Этих пришлось на кладбище тащить да закапывать. Дом жечь не стали – хорош больно, мож, и достанется кому, ежели девку себе заберут? Да и Настенька помирать вроде не собиралась. Водички попила да уснула. Те, кто помереть должны были, в бреду метались,

опосля в беспамятстве были. А эта, хоть огнем и горела, хоть и бредила да дрожала, да все ж уснула, не в беспамятство впала. Знать, выживет.

Стали бабы сызнова гадать, кому Настасья упадет. Девку-то выхаживать никому не хотелось. А ее не тока выходи, ее ж еще и растить придется – мала покамест, чтоб сама-то справилась. Вот Марфа возьми да и ляпни:

– А почто это ее ктой-то задарма рОстить да кормить должон? Мы ее вырастим, выкормим, а она королевной в дом свой возвернется, как муженька сыщет? Да за что ж ее кормить-то? А ведь еще и обувать да одевать надобно... Вот уж счастье-то подвалило!

– И то верно... – вздохнула Ульянка. – А с другой стороны – не бросишь же ее тута... Дитя ведь еще. Грех-то какой – в беде в годину лихую оставить без помощи... Тем более, что деток-то почти и не осталось. И мои сынишки тоже... – на глазах женщины заблестели слезы, которые она промокнула концами платка, завязанного под подбородком. – Да и у вас...

– Ну и бери ее себе, коль греха боишься, – огрызнулась Марфа. – А мене такой привесочек и даром не надь.

– А я бы взяла, – хитро улыбнулась Арина, – и рОстила бы, и кормила, и одевала. Тока платой за то мне дом пускай отойдет. Вот мор сойдет, пойду к барину, да паду ему в ноги – пушай он мне за сироту дом отдаст. А то нашто девке дом? Замуж выйдет, все одно к мужу пойдет. А я и приданое даже за нею дам, коль так станется.

– Вот ты умная какая! – подбоченилась Марфа. – Да за дом и я девку возьму! Чегой-то тебе тока?

Бабы всерьез сцепились – кому девку забирать на воспитание, а ежели точнее – кому дом с подворьем достанется. А тут еще и кубышка гдей-то есть... Денег-то они так и не нашли покамест. А то, что они были – это наверняка. Вот еще бы знать, где Тимофей их прятал... Ну, а если дом кому и отойдет, то отыскать их – дело времени. Да еще и то, что земля-то да дом на ней барину не принадлежали – тоже дело великое. Так что кусочек очень лакомый получался.

Поорались бабы, поругались, и пришли к тому, что пускай девка сама выберет, к кому ей идти. А пока что они втроем за ей ходить станут, по очереди. И не так тяжко, и дом в порядок приведут, и (как каждая надеялась) девку приручат. А покуда суть да дело, каждая по корове себе на подворье сведет – тоже плата за то, что девку выхаживать станут. А за то, у кого жить станет, той дом с подворьем и достанется. Коровы-то нынче молока уж не дадут – скока дён не доены, ну да не большая беда. Покрыть их, а как отелятся – сызнова молоко будет. Одну корову пока на выгуле так и оставили, чтоб ссоры боле, значит, не затевать.

Придя к согласию, они натаскали воды, вытянули из дому все тряпки, что посжигали, что замочили, девку, помыв хорошенько, пока в сенник снесли да на сено уложили. Хорошо хоть, в сарае полно тряпок старых было, что почти и не провонялись.

Каждый день бабы с утра приходили, все отстирывали да отмывали, дом снутри весь выдраили да травами пахучими натерли, веники из них везде поразвешали, чтоб, значит, запах-то убрать. Вещи все перестирали да на ветру выдыхаться оставили. Сильно бабам в помощь смола пришлась, коей Прошка все стены, пол да потолок щедро залил – не дала она запаху в дерево глубоко вьестся.

Ну, а Настена-то не померла. Потиху, потиху на поправку пошла. А как вошла девка в разум, стали ее каждая к себе звать-уговаривать. И попугали тоже хорошо – мол, мала девка, не справится, с голоду да с холоду помрет. Зима вскоре наступит – чего одна в пустом

холодном доме делать станет?

Но Настена умной девкой оказалась, не гляди, что одиннадцатый годок ей тока пошел. Идти к кому-нито в примачки отказалась, сказала, сама жить станет. И стала. Попервой-то всякое бывало. И голодная, и холодная сидела, и с хозяйством не все ладно было, не всегда справлялась. Точнее, и вовсе не справлялась. По дому-то хозяйничать, корову доить, готовить да стирать, да горницу в чистоте содержать мать ее научила. Да тока того мало оказалось. И как ни умна была Настена, а все же дитя еще, многое ей не подвластно да не под силу, да и по разуму рано. А многого ей и не сказывали – а на что девке в мужицкие дела вникать? То не ее забота.

Стала Настенька хозяйствовать пытаться. Основное-то понимает – надо травы накосить, сено сушить, дров наготовить, огород выполоть, да и на поля неплохо бы сходить, там тож полоть надо да окучивать... Но сил мало опосля болезни, то и дело на землю опускается – голова кругом идет. Посидит, отдохнет, переждет слабость да дальше делать. Какие уж тут поля? На подворье бы управиться...

Начала грядки полоть, а покоя нет – корову да лошадь чем кормить зимой станет? Сено надо. Взяла Настасья косу, возле дома на лужайке попробовала косить – не получается совсем. Коса большая, тяжелая, девчушка ее держать-то держит – видала, и не раз видала, как отец с братьями косили. Размахнулась, да с размаху острием в землю и загнала. Упала, в сарафане да косе запуталась, стала вставать – ногу порезала, сарафан порвала, вновь упала. Лежит, слезы из глаз катятся, а пожалеть и некому.

Села, злые слезы вытерла, из травы да косы выпуталась, ноги к подбородку подтянула, руками обняла, задумалась. Хорошо хоть, корова одна только осталась, и та с лошадью сейчас на вольном выпасе, иначе уж давно бы померли. Косить надо... А как? А ежели траву не косить, а серпом ее? Серп – это для женщин, как коса, только маленькая, закруглённая и зубчатая. Ну и что, что им жнут? А ежели им и траву так же? Это дело знакомое, этому Настеньку учили.

Обрадованная собственной сообразительностью, девочка поднялась, косу из земли выдернула, на место отнесла, взяла серп, большой, материнский – у нее маленький был, детский. Сбегала в дом, передела сарафан, ногу перевязала тряпицей, взяла кринку (воды по пути с колодца набрать) да полкраюхи хлеба, соли в узелок, сложила в маленькую корзинку все, платок на голову повязала да на покос пошла.

Пришла, глянула – снова глаза слезами наливаться начали. Люди уж по второму разу скосили, скоро уж отаву косить станут, а у них на покосе трава стоит высокая, перезревшая, жесткая. Уж и желтеть кое-где начинает. Такая трава только на подстилку и сгодится. Скотина ее есть разве что с сильной голодухи станет, и то вряд ли. Да и сушить ее – одна морока. Палки да стебли выбирать то и дело надо, на угол покоса сносить и там досушивать, а после сжигать.

Ну что поделать, коль траву она упустила, боля? Вздохнула Настенька, да принялась траву серпом жать. Весь день жала, да много ли серпом накосишь? Уж ввечеру, как солнце к лесу скатывалось, ехали мимо мужики с дальнего покоса. Увидали девчонку, серпом траву жнущую, остановились. Спросили, чего она чудит-то? Ответ услышав, рассмеялись. Просмеявшись, послезали с телег, да в восемь кос весь покос ей и скосили. Обрадованная Настенька собрала свои пожитки да домой поплелась.

С утра, только солнышко поднялось, Настена на покосе уж была, с сеном возилась. То дело было привычное, а потому работа спорилась, хоть и отдыхала девочка часто. За три дня

сено просушила как следует, стала домой таскать, в сенник. Еще два дня вязанками таскала, да день в сенник укладывала. Как раз к дождю успела.

Ну, раз дождь, значит, домом заняться следует. Настенька в горнице убралась, поесть себе сготовила, белье перестирала, баню ввечеру натопила, намылась. Привычные, рутинные дела успокаивали, возвращали в обычную колею.

Крутилась девчонка с утра до ночи. Что-то, что умела делать, получалось, а к чему не знала, как и подступиться. Но зубы сжимала и делала, как разумение подсказывало. По выходным забегали тетки Арина и Марфа, к себе звали – думали, хлебнула упрямица лиха, так теперь благодарна будет. Тетка Ульяна приходила, приносила девочке молока, когда и творогу с сыром, а то и хлеба краюху. Тоже к себе пойти уговаривала, но тихонько, жалеючи. Но Настена, упрямо сжав зубы, на все уговоры трясла головой. Один ответ был – никуда я с отцовского дома не пойду. Тетки только усмехались – ну-ну, зима настанет – сама прибежишь.

Настала страда. Пришло время рожь да пшеницу жать. Как Настена ни убивалась, как ни торопилась, как ни старалась – убрать оба поля ей было не под силу. Сжала, сколько смогла, в амбар перетаскала, принялась картоплю со свеклой собирать. Люди уж, убрав поля, грибами запасались да огороды убирали, а Настенька все с картоплей возилась. Как зарядили дожди осенние, ледяные, плюнула девочка и на картошку со свеклой. И пол поля убрать не осилила.

Под дождями морозящими лук из земли пособирала кое-как, лишь бы хоть что собрать, в сарай на тачке перевозила, сушиться раскинула. И только после того за огород взялась, на коем мало что повыросло – ходить-то кому было? Собрав, что смогла и кое-как поубирав старую ботву, которую уж снегом присыпать начинало, девчонка взялась за обмолот. Покуда она зерно обмолотить пыталась, у ней картошка да лук подмерзли. Осталась Настена на зиму почти без запасов – то, что с таким трудом добыто было, только на корм курям и сгодилось, а кроме коровы, лошади да нескольких курей у нее скотины уж боле и не осталось.

А вскоре поняла девочка, что с сеном у нее беда. Не смогла она корма рассчитать. Попыталась было кормить лошадь и корову свеклой – обпоносились. Тыкву дать попробовала – ели. Но мало того было. Ветки бегала резать с деревьев да приносить им – грызли, конечно, с голодухи, но разве тем накормишь? Пала у нее корова. А ее ж еще и закопать надо. Ну что делать? Побежала она к соседу. Прибегла, слезы утирает.

– Дядька Федот, у меня корова померла. Ее закопать бы, а я разве справлюсь? Помоги, Христом Богом прошу!

– А чего ж она у тебя померла-то? – собираясь, поинтересовался дядька Федот у девочки. – Не растелилась, что-ля? Чего раньше-то не позвала?

– С голоду померла, – опустив голову, покаялась девочка. – Корма я не рассчитала. Сена не хватило.

– Да что ж ты ее не прирезала-то? Хоть с мясом бы была! – расстроено проговорил сосед. – Вот непутевая! Как есть непутевая! А теперь ее тока закапывать... Эх! – махнул он рукой. – Все хиной спустишь, и сама сгинешь! Как безрукая, ей Богу! – ворчал Федот, вытягивая корову волоком из сарая.

– Не спущу! – зло ответила девочка. – Ты, дядька Федот, корову мне прикопай, да и ладно. Я б тебя и не потревожила, коли б мне силы достало самой справиться. А так звиняй за беспокойство. Заплачу я тебе за труды твои, не бойся.

– Ты вот что, девка. Ты кончай дурью маяться, да ступай к кому-нибудь в семью. Не

дело ты затеяла, не сможет ребенок один выжить, – отерев пот со лба, строго посмотрел на нее Федот. – Тебя бабы с каких пор кличут? А ты чаво уперлася, словно бычок молодой? Гляди, корову уже сгубила, лошадь сгубишь, а тама и сама сгинешь.

– Дядька Федот, я тебя помочь позвала, а не учить меня. Чай, не в пустыне живу, найдутся добрые люди, не дадут сгинуть. А то, что где-то не знаю да не умею – моя вина. Но то дело наживное, и я научусь. А в примачки ни к кому не пойду, – уперев руки в бока, сердито и прямо взглянула на него Настасья. – А ты, ежели помочь не хочешь, дак ступай, сама справлюсь.

– По дворам помощи просить пойдешь? – язвительно усмехнулся Федот. – А опосля за милостынькой?

– Ну, в постелю к Марфиньке, как ты, не полезу, – огрызнулась Настасья. – Сказано тебе: коли хошь помочь, так помоги, а нет – ступай, без тебя справлюсь!

– Погляжу я, как ты справишься, – сплюнул Федот ей под ноги, развернулся да ушел.

Настасья, поглядев ему во след, закрыла лицо руками и расплакалась.

Проревевшись, Настенька привязала корову за ноги, запрягла лошадь, крепко привязала веревки к хомуту и так оттащила ее в лес насколько смогла, да там и бросила – волки сами разберутся. Лошадь пустила свободно походить, достала из-за пояса топорик да принялась сухостой не сильно толстый срубать. Нарубив дров, обернулась на лошадь. Углядев, что та с огромным удовольствием поедает еловые ветки, она, обрадовавшись, что нашелся корм, нарубила лапника, перевязала сухостой, уложив его на еловые ветви наподобие волокуши, и, довольная, забравшись на лошадь, вернулась домой.

* * *

Уяснив, что просить помощи нельзя, ежели взялась сама жить, Настасья больше ни к кому не обращалась. Со всем сама справлялась, как могла, на своих ошибках и училась. До весны дотянула, а там и время пахоты пришло. Подумала Настасья хорошенько, прикинула – три поля пахать да сажать надобно. А кто это делать станет? Да и надобно ли ей оно? Прикинув так и эдак, Настасья пошла к дядьке Павлу, который с отцом ее не раз вместе и в тайгу ходил, и по делам барина с караванами ездил. Пришла, поздоровалась, как положено, о здоровье справилась, о погоде поговорили, отца вспомнили. Тогда и к делу Настенька перешла.

– Дядька Павел, по делу я пришла. У меня три поля отцовские остались. Сама-то я их не подыму, а под пары пускать – их косить надоть, а то я тоже не осилю. А палом землю выжигать опасно. Ну как тайга займется? – Настенька собралась с духом, и продолжила: – Потому и пришла я к тебе. У тебя тока одно поле. Возьми пока моих три, сей, сажай, твое и под пары пустить можно, чтобы земля отдохнула. А мне за то дров привезешь на зиму. Что думаешь?

– Поля, Настена, обрабатывать надоть, иначе грош цена запущенной земле. Верно ты понимаешь. Потому, в память об твоём отце, который не раз мне помощь оказывал, возьму я твои три поля, и стану их обрабатывать, – мужчина хитро взглянул на Настасью. – А значить, окажу тебе услугу – сохраню землю пахотной. За то не я тебе, а ты мне приплатить должна.

Настасья пригорюнилась. Вроде и верно повернул дядька Павел, да тока нутром девочка обман чуяла. Да и как-то не так получается – она и поля отдала, и еще должна осталась.

Неверно то. А вот как верно?.. У кого бы спросить?

– Не ладно так, дядька Павел. Ты поля засадишь, лишку продашь, деньгу получишь. Я бы то тож сделала, да мала покамест, потому и даю тебе на время попользоваться, – взвешивая каждое слово, медленно проговорила Настя. – А мне дрова надоть. Потому в обмен на поля ты мне дрова дашь. По чести так быть должно, – и с опаской подняла неуверенный взгляд на мужчину.

Павел улыбнулся и погладил девочку по голове.

– А что так неуверенно свое отстаиваешь, а, Настенька? За свое драться надо. Правильно ты все понимаешь, девочка, а коль сомневаться в том станешь, тебя любой вкруг пальца обведет. Поглядеть мне хотелось, сможешь выжить али пропадешь, – вкруг добрых глаз Павла разбежались морщинки. – Теперь вижу – выживешь. Тока помни, Настасья, всю жизнь помни – за свое бороться до последнего надоть, зубами вцепляться, когтями. Никогда никого не слушай. По твоему быть всегда должно. Тогда и удача к тебе повернется. Так меня отец твой учил, то и сынам своим в головы вкладывал. И прав он. Тысячу раз прав. И ты то крепко, девочка, помни. А дрова я тебе по осени привезу. По подводе за поле. Ладно ли будет? – заглядывая Насте в глаза, спросил Павел.

– Ладно... – задумчиво кивнула девочка.

Подходя к часовенке в праздничном настроении – обряд крещения всегда радостен и праздничен, к тому же детей Илия искренне любил, и здесь ему очень не хватало детских голосов и чистых, лучистых глазенок – священник увидел стоящую на коленях возле входа явно беременную женщину с протянутой рукой. Чуть в стороне, неодобрительно поглядывая на нее, уже собирались прихожане из соседних деревень, пришедшие на заутреню, а вскоре должны были подъехать и с детьми, которых ему предстояло крестить. И новым, незнакомым людям, которые могли стать его прихожанами, и уж тем более детям, видеть подобное непотребство вовсе не стоило.

Нахмурившись, Илия ускорил шаг. Поздоровавшись с прихожанами и благословляя их, он вдруг услышал громкий голос Степановны:

– Зоська! Ах ты ж зараза бессовестная! Ты пошто обратно явилася, а? Не тебе ли сказано было, чтоб ноги твоей тут не было? Да еще и к церкви прилезла! Не совестно тебе? А ну ступай отсель, покуда мужиков не кликнула!

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/3x4>